

ГОРЬКЛЯ БРУСНИКА 2
ДАР ВЕДЬМЫ

Н.Б. МЕДВЕДСКАЯ

16+

Наталья Брониславовна Медведская

Горькая брусника 2 Дар ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151421

SelfPub; 2020

Аннотация

Настя не догадывалась, что, вернувшись спустя два года в Верево, снова попадёт в самую гущу событий. Опять встретится со странной старушкой, которую все жители села называют ведьмой. Более того, получит от неё необычный дар. Жизнь Насти больше не будет прежней: понятной и простой. Ей придётся справляться сразу со многим: недовольством и ревностью любимого человека, заниматься поисками преступника и наконец разобраться с запутанными отношениями в собственной семье.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1

Я смотрела на Матвея, лежащего рядом со мной, и пока он спал, любовалась его лицом. Думаю, мне никогда не надоест смотреть на него. И спустя два года наших отношений я так и не сумела привыкнуть, что этот красивый мужчина мой. Полуденное солнце лило расплавленное золото сквозь неплотную крону берёз на шелковистую траву под ними, лучи скользили по загорелой гладкой коже Матвея, заставляя его веки смыкаться плотнее. Я заметила: часто мужчины являются обладателями длинных ресниц. Матвей не исключение – глядя на его ресницы, я иногда досадовала расточительности природы. Мало того, что она одарила его замечательными зелёными глазами, так ещё и украсила их шикарными ресницами. Даже когда я сердилась, не могла отыскать недостатков в его внешности. Прямой нос, чёткого рисунка подбородок, высокие скулы и вдобавок к этому умопомрачительно соблазнительные губы. Конечно, я отдаю себе отчёт, что смотрю на него глазами влюблённой женщины, только вот, к сожалению, красивым его считаю не я одна, а большинство представителей слабой половины человечества. Стоит им столкнуться с ним, как они уже не спускают с него горящих взоров. Меня это жутко злит и раздражает, я стараюсь не показывать вида, но изредка срываюсь: мне

очень трудно контролировать свой темперамент. Матвей не понимает, почему я так долго и упорно отказываюсь узаконить наши отношения. Не хочу ему признаваться, что время – это некая проверка долгосрочности наших чувств. Глубоко в душе, до конца не верю в его любовь. Да, я хорошенькая, но и только. Из-за занятий танцами у меня отличная фигура, но сейчас большинство девушек следит за собой, поэтому хорошей фигурой никого не удивишь.

Я приподнялась на локте, осторожно прикоснулась пальцем к щеке Матвея и смахнула серёжку-самолетик, упавшую с берёзы. Его густые чёрные волосы шевелил тёплый июньский ветерок, я наклонилась и вдохнула запах, присущий лишь одному человеку на земле: моему любимому мужчине. Моё сердце замерло на секунду, а потом убыстрило свой бег. Вот же ненормальная! Не прошло и получаса с момента, как он обладал мной, а желание уже проснулось и волной прокатилось по телу. Я вздохнула и откинулась на спину. В горячем жёлтом мареве, будто в замедленной съёмке, лениво вздымали крылья бабочки, словно миниатюрный вертолётик пролетела крупная стрекоза. Неожиданно покой леса потревожила оглушительная соловьиная трель. Певец, опустившись на тонкую ветку, покачиваясь на ней будто на качелях, продолжил выводить рулады. Матвей повернулся на бок, лицом ко мне, сморщил нос: песня соловья потревожила сон, но не позволила проснуться окончательно. Я протянула руку и кончиками пальцев разгладила морщинки. Гу-

бы Матвея тронула лёгкая улыбка, он дышал почти неслышно, его грудь вздымалась размеренно и спокойно. Я тоже легла на бок, укрыла себя ситцевой простыней, набросила её и на бёдра Матвея. Я не боялась, что нас увидят посторонние, этот молодой лесок находился сразу за Чёртовым логовом, имеющим дурную славу у местных. Ходить сюда для практичных жителей села Вереева было незачем: в берёзовой рощице ещё не завелись грибы и ягоды. Лесок не представлял интереса для пронырливых туристов и отдыхающих с турбаз, зато для меня и Матвея это было самое любимое место. По тропе, известной лишь нам, мы могли добраться сюда за каких-то двадцать минут. Сначала пробовали уединяться днём в домике на турбазе, но нам вечно кто-то мешал. Я не могла расслабиться, чутко прислушивалась к любому звуку – Матвей, посмотрев на мою зажатость и мучения, отвёл меня в этот лесок. Здесь отыскалось уютное местечко: две берёзы, переплетённые между собой стволами, понуриив макушки, опускали гибкие ветви до самой земли. Этот зелёный шатёр стал нашим прибежищем и любовным ложем в тёплое время года.

Хотя лёгкий ветерок и остудил разгорячённую кожу, над верхней губой Матвея всё же выступил пот. Прозрачные капельки, будто крохотные бриллианты, поблёскивали в солнечных лучах. Я, придвинулась ближе, совсем близко, осторожно, словно утреннюю росу, сняла капли языком, и хотела также неслышно отодвинуться, но Матвей неожиданно от-

крыл глаза.

– Ты думаешь, что после этого останешься безнаказанной? – произнёс он хриплым от сна голосом. – Я долго спал?

Он слегка толкнул меня в плечо, укладывая на спину, навис надо мной тучей. Я попыталась упереться ладонями в его грудь.

– Полчаса. Нам нужно возвращаться на турбазу. Обеденный перерыв окончен. Как бы мне ни хотелось получить наказание, у нас на это нет времени.

Из-за близкого расстояния я видела, как зрачки Матвея расширяются, заменяя чернотой зелёную радужку.

– Не стоило меня провоцировать. Знаешь же, как я соскучился по тебе. Из-за твоей дипломной работы мы не виделись целых две недели. Я должен наверстать упущенное.

Сначала он одарил меня лёгким поцелуем, едва прикоснувшись губами к моим губам, но уже через секунду приник к ним и начал целовать так, что у меня появился звон в ушах. Сквозь пелену страсти мне показалось: Матвей превратился в многорукое существо, его пальцы ласкали мою кожу сразу в нескольких местах. Она немела и покалывала иглами, заставляя меня непроизвольно подаваться навстречу его прикосновениям. Я забыла о времени, о месте, обо всём на свете. Мир вокруг перестал существовать, я ощущала лишь Матвея, слышала его голос, дыхание и стук сердца. Здесь со мной был лишь мой любимый, его губы, руки и тело, дарящее сладость и освобождение от всех тревог и волнений. Ни искр,

ни фейерверков в голове или перед глазами как описывают в книгах, я не видела, но вот чувство полного слияния и единения появлялось после близости всякий раз. Думаю, мой любимый чувствовал то же самое: он всегда прижимал меня к себе, не позволяя отодвинуться.

– Ещё немного, и нас начнут разыскивать, – прошептала я в шею Матвея. – Тебе ведь ещё нужно провести туристам инструктаж, подготовиться к походу.

– Знаю. Но так не хочется тебя отпускать. Лишь в такие минуты ты всецело моя – на душе становится спокойно. В остальное время ты ускользаешь, отдаляешься и мне не принадлежишь.

Он часто называл меня переменчивым ветром или ртутью, которую сложно поймать и контролировать. Отчего я вызывала такие у него ассоциации непонятно. Матвей знал о моей любви к нему, для него не было секретом и то, что мне с ним необыкновенно хорошо. Почему он по-прежнему испытывал беспокойство, не понимала. Как не разделяла его желание как можно скорее пожениться. Впервые о браке Матвей заговорил спустя два месяца после знакомства, чем поразил меня до глубины души. В то лето два года назад мы прошли через многое, и эти месяцы, насыщенные событиями, стоили нескольких лет. Видимо, из-за этого возникло понимание: мы нашли друг друга неслучайно – расставаться нам нельзя.

Вернулись мы на турбазу с десятиминутным опозданием.

Туристы успели пообедать и сидели на брёвнах у кострища, от скуки рассматривая окрестности и потухшие угольки меж камней. Матвей приложил руку к груди в жесте извинения. От взгляда на нас на лицах мужчин возникли улыбки понимания и одобрения, а вот в глазах некоторых женщин вспыхнуло возмущение, обида и злость. Я почти привыкла к тому, что Матвей вызывал у дам, девушек и даже девочек восхищение и желание его покорить. Пока они не подозревали о моём присутствии в его жизни, могли свободно предаваться мечтам и конкурировать за внимание Матвея друг с другом, но как только я появлялась рядом с ним, большинству хотелось прибить меня и причём немедленно. По их виду можно было легко прочесть один единственный вопрос: почему именно она? Самые храбрые задавали этот вопрос вслух. Однажды, совершенно случайно, я услышала его ответ.

– Настя будто кусочек пламени, который не поймать и не приручить, но им можно вечно любоваться.

Этот ответ лишь подтвердил моё опасение: со мной он чувствует беспокойство и не уверен в крепости наших отношений. Я не понимала, как ещё убедить, что люблю его. Неужели штамп в паспорте так много для него значит? И почему у него такие мысли.

В некотором роде я понимала туристок, липнувших к красивому инструктору. Сама потеряла голову от Матвея буквально в первую же встречу. Как бы нам, женщинам, ни нравились нежные, улыбчивые принцы, больше всего нас

привлекают холодные плохиши. Матвей производил именно такое впечатление: неразговорчивый, серьёзный и жёсткий. Как он умеет смеяться, знала только я и его близкие друзья. Но как раз его эта холодность раззадоривала дам и заставляла бросаться на абордаж. Самых активных он осаживал, говоря, что его сердце прочно занято. Олег, лучший друг Матвея, сначала корил его за нелюбезность с туристками, но потом махнул рукой: всё равно поклонниц меньше не становилось.

Оставив Матвея проводить инструктаж, я отправилась в домик, ставший нашим жилищем. Небольшое деревянное строение на три комнаты: спальня, кухня и зал мне нравились своим уютом и некоторой камерностью. От стен, пола и потолка, обшитых доской из дуба и липы едва уловимо пахло лесом и травами. В каждой комнате имелось по одному окну, но они были большими, поэтому делали комнаты празднично светлыми. Этот дом мне нравился, в нём я чувствовал себя умиротворённо и спокойно.

Приняв душ, я стала готовить ужин. Можно было поесть и в столовой на турбазе, местные повара вкусно готовили, но мне захотелось жареных лисичек с картошкой, и я стала обирать травинки и листья с оранжевых шляпок грибов. Сегодня Матвей снова упомянул о сюрпризе, который собирался сделать мне в субботу. Получается, сразу после возвращения из двухдневного похода к дольменам и водопадам. Поставив кушанье в духовку, я решила немного прибраться. Мы оба

любили ходить босиком по гладкому отполированному полу – любая крошка или пыль сразу ощущалась ступнями. Я догадывалась, что за сюрприз собирался устроить Матвей, поэтому находилась в странном состоянии радости и тревоги. Предчувствие, что скоро нас закрутит водоворот не только добрых, но и плохих событий, усиливалось с каждым днём. Мне уже дважды снилась Марина... Протирая окно в спальне, я унеслась мыслями в прошлое.

Полтора года назад один единственный звонок перевернул всю мою жизнь. Из дома пришло известие: пропала моя сестра Алёна. В полиции отцу сообщили: есть версия, что она стала очередной жертвой вереевского маньяка, который каждый июль убивал по одной девушке. Причём выбирал только приезжих. На берегу реки обнаружили вещи Алёны и её окровавленный носовой платок. Я не могла поверить, что сестры больше нет. Просто ждать окончания расследования было не в моей натуре. Не слушая возражений отца, я решила выяснить всё сама. Ещё в Краснодаре до отъезда я узнала: квартира, которой хвалилась Алёна и где собиралась поселиться со своим будущим мужем Вадимом Веденевым, не взята в ипотеку, а оплачена наличными. К тому же оказалось, Вадим погиб в автокатастрофе в тот же день, что исчезла и Алёна. Странности стали накапливаться, будто снежный ком. Я выяснила, деньги на квартиру сестре дал Веденев. В больнице, где работал Вадим, о нём отзывались, как о беспринципном, жадном человеке. Знала бы мама, не

чаявшая души в будущем зяте, что он брал деньги за операции, может, не восхищалась бы им так. Ради спасения жизни люди продавали машины, квартиры, чтобы оплатить лечение. Таким путём предприимчивый Веденеев и накопил на дорогую квартиру. Потом я узнала, моя милая сестричка и её жених время от времени не гнушались поработать курьерами наркомафии. В пропаже сестры и гибели Вадима стало накапливаться всё больше вопросов. Когда я обнаружила странный белый порошок под плиткой у порога квартиры, мой мозг совсем вскипел. Я отправилась в Вереево в поисках пропавшей сестры.

Это село оказалось полным тайн, загадок и странных личностей. Я познакомилась с бабкой Феодорой, которую местные жители называли ведьмой. Необычная старуха потрясла меня не только видом настоящей бабы-яги, но и странной речью. Она первая подтвердила мою догадку, что Алёна жива. Потом я столкнулась в лесу с липовыми колдуньями и самозванным лешим. Во время поисков я познакомилась с харизматичным следователем мафии Сергеем, он тоже не верил в смерть Веденева и Алёны. Пока я нарывалась на неприятности и крутилась под носом убийцы, трижды успела столкнуться с Матвеем, и в каждую встречу показывалась перед ним в самом непрезентабельном виде. То едва не попала под копыта коня и облила себя йогуртом, то сидя на скамейке, пила водку прямо из горлышка в компании бомжеватого мужичка, то вся в прелых листьях и земле на чет-

вереньках вылезла из дольмена. После, конечно, он узнал: так я пыталась прийти в себя, водку пила после опознания предположительно тела сестры. В результате всех приключений, я чуть не погибла от руки убийцы. Однако, с моей неуклюжей помощью полиция поймала маньяка. Сестра обнаружилась живой и здоровой, вместе со своим женихом она оказалась замешанной в гибели одной из девушек. Именно её Веденеев пытался выдать за Алёну. Таким образом они путали следы, собираясь скрыться с наркотиками. Не жалею, что разрушила их планы, я не могла простить Алёне гибели Марины. Единственной виной девушки было сходство с сестрой, и то, что в её жилах текла одна с ней группа крови. Веденин всё взял на себя, доказательств причастности сестры к убийству не обнаружили. Алёна вышла сухой из воды, а Вадим сел в тюрьму на пятнадцать лет.

То тяжёлое время стало для меня одновременно и трагичным, и счастливым: я познакомилась с Матвеем Ангелом. Насмешливая судьба сводила нас в самых нелепых ситуациях, словно проверяла на прочность будущие отношения. Обоюдная симпатия быстро переросла в страсть. К моменту моего возвращения в Краснодар на учёбу я оказалась по уши влюблена в Матвея и уже не чаяла жизни без него. Остатков моего разума хватило лишь на то, чтобы отказаться от скорого замужества, предложенного им. Держалась из последних сил: на самом деле мне жутко хотелось стать его женой. Я попросила отсрочки брака до окончания института.

Тогда впервые увидела Матвея разочарованным и обиженным. Смирившись, он поставил условие: во время учёбы я должна жить в квартире его родителей.

– Теперь ты моя женщина, я отвечаю за тебя, – заявил он, отменяя мои возражения. – Всё равно квартира пустует, из Ирана родители вернутся не скоро. Мама говорила, их контракт закончится через год. А у тебя, как я понимаю, финансовые возможности ограничены.

Меня слегка покорило упоминание о деньгах, о своих затруднениях я не любила говорить. Но он сумел сделать выводы из той крохи информации о моей семье, что я успела выдать в порыве откровенности.

– Пока мы лишь встречаемся, не рановато ли поселиться у тебя дома. Сама справлюсь.

Зеленющие глаза Матвея потемнели, тогда я ещё не научилась распознавать эти признаки гнева и недовольства, однако, его голос прозвучал спокойно и даже холодно.

– Я думал, мы стали близки и дороги друг другу.

Я смутилась, не зная, как реагировать. Куда уж ближе. Почти месяц я прожила в его домике на турбазе. Он стал моим первым мужчиной. С ним я познала близость. Я стеснялась своей неопытности, а он наоборот откровенно этому радовался. Мою девственность принял как личную награду, до ужаса смутив меня этим. Я не подозревала в нём столь дремучего чувства собственника: при первой встрече он показался мне весьма раскрепощённым и современным парнем.

Я не стала его разубеждать. Пусть думает, будто и вправду хранила себя для одного единственного человека: будущего мужа. Не объяснять же, что мне до него никто по-настоящему не приглянулся и не заставил потерять голову. Не я такая трепетная и хорошая, просто раньше мне не встретился именно мой мужчина. Ведь когда появился Матвей, от моей скромности не осталось и следа. Скорее всего, нашему стремительному сближению способствовало и то, что я побывала на грани смерти, а он успел ощутить ужас потери. Мы не желали терять ни минуты из отведённых нам судьбой. Не сговариваясь, решили насладиться любовью, обрушившейся на нас ураганом.

– Так и есть, – поспешила я успокоить внутреннего демона Матвея. – Ты самый главный человек в моей жизни.

– Поэтому теперь я буду заботиться о тебе.

Перед началом учебных занятий Матвей перевёз мои вещи на квартиру своих родителей. Потом по его настоянию мы отправились знакомиться с моими родителями. Я бы предпочла отложить знакомство. В сложившейся ситуации это было совсем не ко времени. Бывший жених сестры находился под следствием, сама Алёна давала показания на суде. Но Матвей заявил:

– Ты не имеешь никакого отношения к делам сестры, это её жизнь, а это наша. Твоё право прощать или не прощать Алёну, сочувствовать или злиться, но что-то откладывать из-за неё, я тебе не позволю. Как не позволю и сбежать. Ты те-

перь моя. – Он обхватил меня руками, не давая отодвинуться. – Не смей себя казнить и мучить. Ты не заставляла её пойти на преступление, не толкала на неблагоприятные поступки. В этом нет твоей вины. Да, вы связаны кровными узами, но сильно сомневаюсь, что у вас имеется душевное родство.

Матвей прав. Хоть Алёна и старше меня всего на восемь лет, между нами всегда была пропасть непонимания и отчуждённости. Мы не только внешне не походили друг на друга, но и характерами. Сестра голубоглазая, светловолосая, фигуристая блондинка, точно мама в молодости, а я кареглазая, с прямыми стрелами бровей и упрямой ямочкой на подбородке. Алёна рассудительная и спокойная, я взрывная и упрямая. Сестра обдумывала каждый свой поступок, умело манипулировала людьми, ей ничего не стоило обаять любого человека. Я же могла ляпнуть, не подумав, а в гневе плохо себя контролировала. Алёна, как говорят в народе, «видная» девушка. Этим она сразу бросалась в глаза. Привлекало внимание не только её красивое лицо, но и роскошные длинные волосы. Когда она заплетала косу, то походила на классическую русскую красавицу. Из моих лёгких и пушистых волос коса не получалась, да и терпения заплетать её я не имела, поэтому носила короткую стрижку. Алёна замечательно пела, мне же от природы досталось умение танцевать. Мы не дружили в детстве, хотя я пыталась бегать за сестрой хвостиком, но и, став взрослыми, тоже не нашли общего языка. А потом произошла беда, разделившая нас окончательно. Я

знала, сестра винила меня в крахе их тщательно спланированного плана, в том, что Вадима посадили в тюрьму на долгие годы, в том, что она осталась матерью-одиночкой. Меня же изумляло: Алёна и не думала раскаиваться. Она удивительным образом извратила всю историю, ухитрилась обелить себя перед родителями и друзьями, даже нашла оправдание поступкам Вадима. Чем больше проходило времени, тем более причудливые формы принимал её рассказ о произошедшем с ней и Ведениным. Иногда мне казалось: родители отчаянно боятся посмотреть правде в глаза, им страшно вместо прекрасного лица любимой дочери увидеть оскал монстра. Именно поэтому отказываются слушать меня и не принимают ни моих объяснений, ни моих доводов. Соглашались лишь со словами Алёны, с её толкованием всей истории. За два года я смирилась, но пропасть отчуждения между мной и родными от этого лишь расширилась.

Знакомство Матвея с моими родителями я не люблю вспоминать. Я уговаривала его отложить это знаменательное мероприятие, но он не согласился.

– Давай сделаем все правильно. Ты моя девушка, у нас близкие отношения. Я должен им представиться.

Услышав из его уст про близкие отношения, я покраснела, моя мама была очень щепетильна и совершенно не признавала интим до брака: в этом смысле она довольно старомодна. Узнав о беременности Алёны, она упала в обморок. Удивительно, но она доверяла Веденину, считала его муж-

чиной безупречной репутации, отчего-то решила, что даже будучи женихом, тот не прикоснётся к её красавице дочери. А уж если она узнает обо мне и Матвее, то сойдёт с ума. Она с трудом смирилась с положением Алёны, почти неделю оплакивала её несостоявшийся брак. Мне показалось, маму меньше расстроило известие о преступлениях Вадима, больше то, что будущий внук или внучка будут расти без отца. Для моей мамы мать-одиночка – это несмываемое клеймо, которое носят лишь безответственные женщины. Я не собиралась признаваться ей в своём грехопадении, хоть и не считала это предосудительным или чем-то плохим. Для меня отношения с Матвеем были самыми чистыми и прекрасными на свете. Разве любовь может быть грязной? Я давно осознала: внешние приличия для большинства людей главнее внутренней сути событий. К сожалению, моя мама трепетно относилась к общественному мнению, для неё потерять лицо – самый страшный позор. Я лишь однажды видела родительницу смятённой, неухоженной и потерянной, когда она думала, что Алёна погибла. А так моя мама в любое время дня и ночи всегда при параде.

Сначала я позвонила отцу и сообщила, что в субботу приеду не одна, хочу познакомить семью со своим парнем. Папа в Вереево был не единожды и знал Матвея как моего работодателя и невольного спасителя. Я объяснила, что до начала учёбы буду трудиться на турбазе, чтобы заработать немного денег на оплату квартиры. Я не призналась отцу, что оста-

лась из-за огромного желания быть с Матвеем.

– Откуда у тебя взялся парень? – удивился отец. – Неужели Херувимчик Дима перешёл из разряда друзей в парни?

Дмитрий с первого курса являлся моим партнёром по спортивным танцам. Из-за светлых кудрявых волос и миловидного лица к нему приклеилась кличка Херувим. Я звала его по-простому Митяем и лучше всех знала, насколько его облик не соответствует внутреннему содержанию. Димка был большим себялюбцем и бабником, но, как ни странно, верным и замечательным другом.

– Нет. Митяй остался в роли товарища. Со мной приедет Матвей.

– Хозяин «Серой совы»? Когда ты успела с ним сблизиться? Не слишком ли рано знакомить с нами? Ты ведь не знала его до этого лета?

Ох, папа, как объяснить тебе: за пару месяцев твоя доченька не только успела влипнуть в неприятности, натворить бед, но и, влюбившись, стать женщиной. Более того, мне сделали предложение, и я собираюсь жить в квартире его родителей.

– Папа, действительно я познакомилась с Матвеем в Вереево. Но разве много нужно времени, чтобы осознать твой это человек или нет? К тому же Матвей настаивает на знакомстве, я не могу отказать в его просьбе. Пойми меня, пожалуйста.

Я услышала тяжёлый вздох в трубке.

– Как никто тебя понимаю, – пробормотал отец. – Хотя я добивался твоей мамы больше года, уже на восьмой день знакомства твёрдо решил: Тоня будет моей женой. Ты вся в меня. Я лишь опасаюсь: приезд Матвея мать не одобрит. Сейчас её заботит лишь состояние Алёны, и она переживает сильное потрясение от того, что так ошибалась в Вадиме.

– И как мне поступить? – я уже жалела о затеянном разговоре. Сейчас родителям не до моих дел. Я почувствовала себя эгоисткой. В самой глубине души мне было немного стыдно за своё счастье: родные переживают тяжёлое время, а я готова летать от радости. Как долго я должна откладывать и не сообщать им об изменениях в моей жизни? В чём моя вина? Я тряхнула головой. – Пап, что если мы приедем на пару часов. Не надо никакого обеда и приготовлений. Просто попьём чай.

Трубка телефона в моей руке пару минут хранила молчание. Когда наконец я услышала голос отца, даже вздрогнула.

– Будет лучше, если я сам поговорю с мамой, подготовлю её, скажу о вашем приезде. Думаю, удобнее всего назначить встречу на час дня.

Я с облегчением выдохнула: оказывается, всё это время не дышала. Вот чёрт! Даже став взрослой, я так и не научилась разговаривать с матерью. В детстве у нас часто возникало непонимание. Боюсь, теперь всё стало ещё хуже. Недоброе предчувствие холодком проникло в сердце.

– Спасибо, папа.

Утром в субботу это предчувствие грозило перерасти в панику, я уже готова была отменить поездку, но глядя, как серьёзно к ней приготовился Матвей, смирилась. После завтрака он до блеска вымыл машину, уложил в багажник подарки моим родным. Теперь я поняла, зачем он усердно выспрашивал о предпочтениях родителей. Придирчиво оглядев мой спортивный костюм, попросил сменить его на более строгий наряд.

– Зачем? – удивилась я. – Это же не сватовство, а просто знакомство.

– Увидишь, – он махнул рукой и, затащив меня в дом, легонько подтолкнул к шкафу. – Одень моё любимое лиловое.

Я пожалала плечами. Не совсем удобно наряжаться в шёлковое платье в дорогу, но раз ему так хочется, то ладно. Платье ласково и прохладно приникло к коже, я причесала волосы и повернулась к Матвею.

– Ух, ты! – вырвалось у меня.

И когда он успел прикупить рубашку в тон моему платью? Даже галстук тёмно-лиловый надел. Наблюдая его облачение в светло-серый костюм, я сглотнула слюну. Матвей выглядел стильно и красиво, даже слишком красиво. Я ни разу не видела его в костюме и подумала, что больше не желаю это лицезреть. Его вид подавлял и убивал моё и так невысокое мнение о собственной внешности.

– Можно обойтись без пиджака, – пробурчала я. – Чересчур торжественно.

– Думаешь? Но мне хотелось бы выглядеть правильно.

Я фыркнула:

– Я чувствую себя Золушкой рядом с принцем.

Матвей засмеялся:

– Если ты и Золушка, то после её преобразования крёстной. – Он сбросил пиджак, ухмыльнулся: – Но с галстуком ни за что не расстанусь. – Поцеловав пальцы на моей правой руке, и не заметив помолвочного кольца, возмутился: – Где кольцо? Опять на умывальнике оставила?

Делая мне предложение, Матвей купил кольца. Теперь такое же кольцо, как и моё, только размером больше, всегда красовалось у него на пальце, я же никак не могла привыкнуть к наличию украшения и часто снимала его во время мытья посуды или купания. Зная, как серьёзно он относится к этому знаку нашей принадлежности друг другу, я мысленно отругала себя, поклявшись больше не снимать золотой кружок.

В Павловскую мы приехали за сорок минут до назначенного времени, я предложила Матвею прокатиться по станции.

– Посмотришь школу, где я училась, дом культуры, где занималась танцами.

– Ладно, – согласился он, вытирая пот со лба.

На улице было не жарко, но он явно волновался. Я могла лишь посочувствовать: мне пока не грозило знакомство с его родителями. Вот когда у них закончится контракт и они

вернутся в Россию, тогда и буду переживать.

Моя родная станица понравилась Матвею густой зеленью садов и ухоженными палисадниками. На Кубани принято, чтобы каждая уважающая себя хозяйка обязательно разбивала цветник перед домом. Приглянулись ему и широкие улицы, и дороги с двух сторон, засаженные пирамидальными тополями.

– Я ревную к твоему прошлому, – заявил Матвей, разглядывая трёхэтажное здание школы. – Хотелось бы знать тебя ребёнком и подростком школьницей. Наверно, ты была забавной девочкой.

Я усмехнулась.

– Это вряд ли. Я была упёртой и вредной. Вечно спорила с мамой и учителями. Не желая, чтобы меня запикивали в нужные рамки, отвоёвывала личную свободу. В результате собственной глупости постоянно стояла в углу или сидела взаперти в кладовой, в школе же получала игнор. – Посмотрев на часы, я добавила: – Нам пора.

Подъехав к дому, Матвей припарковал «Ниву» у ворот. Сквозь сетчатый забор я разглядела отца, стоящего у мангала. Заметив нас, он поднял голову, помахал рукой. Матвей вытащил из багажника машины два букета цветов, упаковку цветной соломки, торт, коробку с листовым табаком и подарочный набор шампуня. Забрав торт, я встала на цыпочки и чмокнула любимого мужчину в щёку.

– Хватит тревожиться. Разве может кому-то не понравить-

ся такой красавчик как ты.

Матвей хмыкнул:

– Есть и такие люди.

Когда мы приблизились к отцу, я заметила на его лице волнение, которое быстро сменилось на выражение приветливости. От нехорошего предчувствия сжалось сердце, я кашлянула.

– Папа, это Матвей. О нём я говорила по телефону.

Матвей слегка поклонился.

– Здравствуйте, Дмитрий Иванович. Приятно познакомиться.

– Здравствуйте, молодой человек. Настя, проводи гостя в дом.

Матвей протянул отцу коробку с табаком.

– Небольшой подарок для вас.

Отец обрадованно присвистнул:

– Ориентал¹. Настоящий турецкий табак. Спасибо. Спасибо.

Я усмехнулась.

– Было б лучше, если бы ты бросил курить.

Отец виновато улыбнулся и пригладил ладонью взъерошенные волосы, расположенные венчиком вокруг лысой ма-

---

¹ Ориентал – (Oriental). Под этим названием подразумевается целая группа табака, который выращивается в Греции, Болгарии, Турции и других странах. Продукция из каждого региона имеет свои вкусовые отличия. Листья этой группы имеют небольшие размеры. Для обработки их сушат под открытыми лучами солнца.

кушки.

– Доча, позволь иметь хоть одну слабость. Да не стойте тут, проходите.

За круглым столом, накрытым белоснежной накрахмаленной скатертью, заставленном белой посудой и хрусталём, сидели мама и Алёна. При виде моего спутника глаза обеих округлились. Правда, у сестры удивление было более красноречивым. Матвей, вручив букеты и подарки, слегка наклонил голову.

– Рад знакомству, Антонина Яковлевна, Алёна. Как вы уже поняли: я парень Насти Матвей.

Когда мама разглядела подарок, её губы растянулись в слабой улыбке. Обычно осенью папа привозил с поля мешок соломы, мама сама разрезала сухие стебли пшеницы, отпаривала горячим утюгом и потом уже делала из золотых полосок соломы поделки и картины. А тут ей вручили готовый набор соломки, да ещё разного цвета. За полтора месяца, что я не видела мать, она похудела и немного постарела, но выглядела как всегда безупречно. В светлых волосах, красиво уложенных на затылке во что-то наподобие цветка, поблёскивало больше седины, вокруг голубых глаз более резко обозначилась сеточка из мелких морщинок, уголки губ, выкрашенных розовой помадой, немного опустились вниз, но мама по-прежнему выглядела безупречно и элегантно, как и подобает пани польских кровей.

– Спасибо, Матвей. Вижу, вы подготовились, – спокой-

ным тоном произнесла мама. – Поставлю цветы в вазы, а ты, Алёна, приглашай гостей к столу.

Я проводила маму взглядом до кухни, слово «гости» неприятно царапнуло слух. Дома я ведь точно не гость, но ни сестра, ни мама не сделали даже попытки обнять меня. Хотя... что я придираюсь? Мама никогда не отличалась сентиментальностью, я могла по пальцам пересчитать её объятия и поцелуи.

– Настя, не возражаешь, если я выйду во двор и побуду с Дмитрием Ивановичем? Помогу ему пожарить шашлык, – поинтересовался Матвей, снимая пиджак и вручая его мне.

– Хорошо, – кивнула я и повесила пиджак на спинку стула.

Алёна поставила набор шампуней на тумбочку у окна, сложила руки на груди. Дождавшись пока за Матвеем закроется дверь, бросила взгляд в сторону кухни.

– Специально его приволокла, чтобы показать превосходство надо мной, – пробурчала Алёна.

Я опасалась, что сестра неправильно поймёт приезд Матвея, но столь открытого проявления злости не ожидала.

– Это не моё решение, а Матвея. Он хотел познакомиться с вами.

Алёна хмыкнула. В голубых глазах, очень похожих на мамины, проявилось что-то похожее на ненависть. Ей не шла беременность: ранее точёное лицо как-то оплыло, губы и нос словно налились влагой, увеличились в размере, прежде

прозрачная светлая кожа покрылась пигментными пятнами. Зная, как трепетно сестра относится к своей внешности, я догадалась, что она явно комплексует из-за своего теперешнего вида. Будь у нас другие отношения, я бы сказала: «Сестрёнка, всё это чепуха. Главное, малыш, что растёт внутри тебя. Как родишь, твоя красота вернётся» Но сейчас я уверена: мои слова ей не нужны, слушать их не желает.

Алёна повернулась к окну, пару минут понаблюдала за папой и Матвеем, колдующим над мангалом, потом, повернувшись ко мне, сердито заявила:

– Не ври. С самого детства ты соперничала со мной, доказывала, что не хуже меня. Только знаешь, тебе никогда не стать к маме ближе, чем я. Особенно после того, что ты натворила.

Я ощутила, как меня захлёстывает обида. Сглотнув слюну, попыталась взять себя в руки. Мы говорили шёпотом, чтобы не услышала мама, и от этого наша перепалка напоминала шипение змей.

– Я натворила? Я надеялась, ты раскаиваешься...

– Раскаиваюсь? Ничего бы не случилось, если бы ты не сдала Вадима полиции, – буркнула Алёна. – Ради меня стоило промолчать. Ты не знаешь, что такое быть верной семье. Из-за тебя я потеряла хорошую квартиру и жениха. Из-за тебя без всякой перспективы я торчу в этой деревне. Ты виновата в том, что мой ребёнок родится без отца. Ты загубила мою жизнь, а теперь решила похвастаться, притащив сюда

этого красавчика?

Боже мой! Она перевернула всё с ног на голову, выставила меня предательницей.

– Вот значит как. Расстроена, что отец вернул квартиру хозяевам? Что не удалось, продав наркотики, сбежать?

Алёна сделала шаг ко мне и стукнула по столу кулаком. На столе подпрыгнули тарелки и нежно зазвенели хрустальные бокалы.

– Притворяешься идиоткой? Вадим хороший хирург, а получал за свою работу копейки. Да он сделал операцию старику Ерёмину за деньги. Но разве его вина, что у Ерёминых не было наличных, и они откупились квартирой. Это их решение. Разве пожилым людям не лучше жить в деревенской глуши подальше от городского шума? Вадим им подыскал неплохой домик.

Я усмехнулась.

– Ага старым людям замечательно жить в халупе без удобств, к тому же далеко от больницы и магазинов.

Алёна хмуро покосилась на меня.

– Они отжили своё. А ты идиотина. Каждый в этом мире старается для себя. И хватит упрекать меня Мариной. Она бесполезный член для общества: никчёмный человек и никудышная медсестра. По ней некому плакать. Вадим так поступил, спасая меня, но родная сестра всё испортила. Мне ещё поблагодарить тебя за это?

Я с ужасом осознала: Алёна не только не раскаялась в

содеянном, а ещё и винит меня в своём жизненном фиаско. Сестра машинально положила ладони на живот. Я знала, она находится на пятом месяце беременности, но по фигуре нельзя было это определить, лишь талия стала чуть шире.

– Не вам решать, кто должен жить, а кто умереть.

– Очнись уже! Ты живёшь в выдуманном мире. В настоящем же начальники берут взятки, министры и губернаторы воруют миллиардами, на улицах и кафе торгуют спайсом. Каждый зарабатывает как может. Но знаешь, что в этом мире главное? Быть верным своей семье и родным людям. Ты нарушила это правило, поэтому тебе нет ни оправдания, ни прощения.

Я задохнулась от возмущения.

– Только потому, что ты моя сестра, а Вадим твой жених, я должна была закрыть глаза на всё?

– Да. Это и есть защита своих от чужих.

Из кухни послышался мамин голос.

– Алёна, будь добра, помоги, я достала рулеты из духовки, разложила на блюде, за тобой украшение.

Голос мне не повиновался, я сдавленно произнесла:

– Маме ты тоже так объяснила?

Уголок полных губ Алёны дёрнулся, она презрительно скривилась.

– Мама, как и ты, живёт в своём мирке. И я знаю: ты не посмеешь разрушить его, рассказав о нас с Вадимом. Не забыла, что именно я её любимая дочь?

Я опустила голову. Действительно, не посмею. Даже отец не всё знает. Когда я попыталась объяснить, он остановил меня.

– Достаточно, ничего больше не говори. Мы вернём Ерёминым квартиру, за остальное ответит Вадим. Алёне нужно жить дальше и растить ребёнка. Пойми, мне и так нелегко...

Теперь после разговора с Алёной, вспоминая ту беседу с отцом, я поняла, какая пропасть развёрзлась между мной и родными. Папа и мама в попытке защитить Алёну, вытолкнули меня из круга семьи, словно нелюбимого птенца из гнезда.

Всё остальное время обеда прошло для меня, как в тумане. Мама вежливо задавала Матвею вопросы, но я чувствовала: это её тяготит, и она с нетерпением ожидает окончания трапезы. Алёна ела молча, изредка бросая взгляды на меня и Матвея. Папа был более приветлив, я мысленно поблагодарила его за это. Внешность моего отца, крупного, чуть сутулого человека с приветливым, добродушным лицом и внимательными глазами неопределённого цвета обычно сразу располагает к себе людей. Его лысина, будто наполовину облетевший одуванчик, окружённая светлыми волосами добавляет к облику толику несерьёзности. Отец не любит спорить, не выносит слёз и скандалов, но зато обладает ироничным и живым складом ума. С ним приятно общаться, он всегда внимательно слушает собеседника и сам может рассказать много интересного. Я заметила: Матвею мой отец понравил-

ся, беседовал он с ним с большим удовольствием. С мамой же перекинулся лишь парой фраз, думаю из-за того, что она отвечала ему отстранённо и неохотно. Мама сидела на стуле с идеально выпрямленной спиной, ела мало, крохотными кусочками и смотрела куда-то поверх наших голов. Услышав от Матвея, что больше не нужно беспокоиться за моё проживание в Краснодаре, она чуть приподняла брови и бросила на меня короткий взгляд.

– То есть собираетесь сожительствовать вне брака.

Слова мамы прозвучали неожиданно грубо.

Папа поперхнулся и стал судорожно пить воду из бокала. Мама перевела взгляд на него.

– Думаю, не я одна виновата в том, что неправильно воспитали дочерей.

Папа попытался сгладить её слова.

– Тонечка, многие молодые так сейчас живут.

Я с улыбкой наблюдала, как на щеках Матвея появляются алые пятна. Он знал о характере моей мамы лишь по рассказам, но понимал, насколько она шокирована нашими отношениями.

– Антонина Яковлевна, я предлагал Насте выйти за меня замуж, но она отказала. Предложила пожениться после окончания учёбы, – торопливо оправдывался Матвей.

Папа округлил глаза.

– Доча, почему отказала? Зачем так долго ждать?

Мама со стуком положила вилку на край тарелки.

– Разве непонятно? Чисто из-за своей вредности. Она ещё ребёнком была упёртой. Иначе поступила бы правильно, по-людски. Видимо, нравится жить во грехе.

Папа прикоснулся к её руке и чуть сжал пальцы.

– Тонечка, что ты говоришь. Разве может быть любовь грехом?

– Любовь – нет. Поведение – да.

Мама поднялась из-за стола, махнула рукой.

– Впрочем, поступайте как хотите. Вы же приехали не за советом, а сообщить факты, всё равно сделаете по-своему. Я устала и хочу отдохнуть, посему, Матвей, говорю сейчас: до свидания.

Мы проводили маму взглядами, её по-девичьи стройная фигура скрылась из вида.

Алёна во время обеда несколько раз порывалась задать Матвею вопрос, но смолкала на первом же слове, будто одёргивала себя. После ухода мамы она быстро распрощалась с нами и ушла к себе в комнату.

Папа вздохнул, взял мою руку и руку Матвея, соединил вместе.

– Матвей, не обращайтесь внимания. На самом деле мы рады знакомству с тобой. Пусть оно и весьма неожиданное. Я вручаю тебе свою девочку. Береги её и не обижай.

Матвей обрадованно кивнул.

– Дмитрий Иванович, спасибо. Было приятно с вами познакомиться.

Распроставшись с моим отцом, мы сели в машину. У меня на душе царил полный раздрай: обида на маму, сестру и признательность к отцу.

– Твой отец очень похож на моего, – прервал задумчивое молчание Матвей.

Я удивилась. Судя по фото, что видела в квартире, отец Матвея походил на Тургенева, каким его изобразил на картине Репин. Такая же окладистая борода, высокий лоб, густые волосы с пробором посередине, внимательные умные глаза. Он если и напоминал моего отца, то лишь крупным телосложением.

Матвей пояснил:

– Не внешне. Характером. Спокойным, рассудительным и очень дружелюбным. А ещё у них одинаковая вредная привычка: оба курят трубку. Думаю, ты легко поладишь с моим отцом.

Я открыла рот, чтобы спросить о его матери, но тут «Ниву» подкинуло на дорожной выбоине. Как крокодил щёлкнув зубами, я чуть не прикусила язык. Матвей засмеялся.

– Осторожнее, а то немой станешь.

Я погрозила кулаком и поинтересовалась:

– Как насчёт твоей мамы?

– Это сложнее. Если твоя холодностью и манерами похожа на английскую королеву, то моя – вечный праздник. Она обожает внимание и шумные компании. Когда я жил с родителями, то иногда сбегал, чтобы отдохнуть от постоянного

присутствия гостей в доме. Мыслит она по-современному и очень позитивная. Вряд ли наши отношения её шокируют.

– Что ж, хоть это радует, – вздохнула я, вспоминая внешность матери Матвея. Она чем-то напоминала героиню «Криминального чтива», которую сыграла Ума Турман: овалом лица, причёской каре, полными алыми губами и выразительными серыми глазами. – Надеюсь, я им понравлюсь.

Матвей быстро наклонился и, чмокнув меня в щёку, повторил слова, сказанные мною для его ободрения.

– Как им может не понравиться такая красавица.

Я фыркнула.

– Скажешь тоже. Я красавица лишь для тебя.

Он не согласился.

– Когда танцуешь, ты выглядишь умопомрачительно для всех. Поэтому жутко ревную, если бы мог, я запретил бы всем лицам мужского пола на тебя смотреть.

После этого обеда за два следующих года я лишь трижды съездила домой: отвезла подарки дочери Алёны, появившейся в начале февраля, на день рождения мамы и годовщину свадьбы родителей. Матвея больше не брала с собой. Обо всех переменах в своей жизни я сообщала им по телефону, новости о семье узнавала также. Я всё более и более ощущала себя чужой. Матвей стал для меня моим миром и пристанищем.

Когда нас близко не касаются несчастья, мы можем только представлять, какие мысли и переживания одолевают людей,

столкнувшихся с бедой. Убийцы и преступники нам кажутся монстрами, поэтому очень тяжело, когда монстром оказывается красивый и талантливый человек, а ещё труднее поверить, если это твоя собственная сестра. Та, что тайком давала тебе конфеты и защищала от мальчишек-драчунов, с кем ты секретничала и делилась тайнами. Это тягостно и невыносимо больно. Я не могла, как родители, делать вид, что всё по-прежнему, не желала видеть сестру – из-за этого перестала появляться дома.

Глава 2

После окончания института мне предложили работу сразу в двух танцевальных коллективах: в довольно известном ансамбле и в театре музыкальной комедии. Однокурсники и даже мой руководитель не понимали, как можно отказаться от карьеры, от выступлений перед большой публикой, от предполагаемых поездок за рубеж и всему этому предпочесть сельский дом Культуры. Даже мой партнёр по танцам Митяй, знающий меня лучше всех остальных, возмущался.

– Настыка, совсем кукухой поехала, ты же талант, редкий бриллиант. Когда танцуешь, от тебя глаз не оторвать. Это же песня! Нет. Восторг и взрыв мозга. Ты умеешь импровизировать и двигаться под любую музыку. Запросто можешь стать звездой сцены, а ты хочешь зарыть себя в деревне, ради какого-то мужика.

Эх, Митька. Все пять лет учёбы рядом со мной. Вместе литры пота пролили, кучу травм пережили, а такое мелешь.

– Я люблю танцевать, но ты же знаешь, мне всё равно, где это делать: на большой сцене под аплодисменты или на крохотной под полное молчание. Меня всегда захватывал сам процесс. Но больше всего я ценю свободу, мне трудно подчиняться хореографам в коллективе. И не надо Матвея называть каким-то мужиком, он мой осознанный выбор. Ме-

ня не прельщает перспектива частых расставаний и разлук с ним, что произошло бы, если бы я выбрала сцену.

Митька в ответ на мои слова только покачал головой. Ну и ладно. Если уж он не понимал меня, остальным тем более не собиралась объяснять. Я попросту не желала и не мыслила своей жизни без Матвея, поэтому выбрала Вереево.

Меня ждали в местной студии танцев, сразу приняли на должность руководителя, а ещё я продолжила занятия с отдыхающими на турбазе.

Матвей забрал меня из Краснодара на следующий же день после выпускного. Он приехал утром, и пока я отсыпалась после весёлой ночи в ресторане, собрал мои вещи и перенёс в машину. Сквозь сон я слышала его лёгкие шаги по комнате, морщила нос от осторожных звуков приоткрываемых им дверцей шкафа, от шуршания пакетов, но упорно не желала открывать глаза. Когда звуки стихли, это меня насторожило, и я села в кровати. Сквозь двери спальни, запертые неплотно, из гостиной долетали звуки беседы. Я тряхнула тяжёлой головой и наострила уши.

– Тебе обязательно забирать её сегодня? Она пришла лишь под утро и вряд ли успела отдохнуть. Сынок, побудь пару дней со своими родителями. Мы ведь видимся урывками, – разобрала я мелодичный голос Вероники Олеговны, матери Матвея.

– Я дал ей время на отдых, остальное доспит в машине, – хмыкнул Матвей. – Ни дня лишнего не позволю Насте оста-

ваться в городе, слишком долго ждал, пока она закончит институт. Для меня эти месяцы тянулись, будто резиновые, надоело видеть её только по выходным и праздникам – сегодня же забираю домой.

Я зевнула, пригладила волосы ладонями. Хорошо, что вчера в ресторане выпила лишь три бокала шампанского, иначе бы не перенесла извилистую дорогу в Вереево. Честно сказать, я рада так быстро покинуть квартиру родителей Матвея. Последние полгода проживания с ними мне дались нелегко. Год и два месяца я блаженствовала в этой квартире одна, с нетерпением ожидая приезда Матвея. Мои дни разделились на две неровные половины: большая это учёба, занятия танцами, выступления, меньшая, но самая счастливая пора, когда мы были вместе. Обычно он появлялся рано утром. Если весной, то пахнувший ветром, клейкой листвой и горьким запахом первоцветов. Летом горячим солнцем и сочным разнотравьем. Осенью туманами и дымом костра, а зимой свежим горным снегом. Сбрасывал одежду прямо у порога, грел руки под тёплой водой и торопился в спальню. Зная, что он приедет, я ухитрилась услышать щелчок дверного замка даже сквозь самый крепкий сон, просыпалась и ждала его в постели. Сердце сначала замирало от радостного предчувствия встречи, потом начинало бешено колотиться в груди, гоня горячую кровь по венам. Я сжимала подрагивающие пальцы рук в кулаки, пыталась дышать размеренно, чтобы не так явно выдавать своё нетерпение и желание. По-

ка Матвей сбрасывал остальную одежду на стул, я смотрела на него сквозь ресницы. И каждый раз, будто впервые меня поражала красота его лица и тела. Он приподнимал одеяло, ложился ко мне в постель и крепко обнимал.

– Я так по тебе соскучился, – шептал он куда-то в шею. – М-м-м мой любимый сонный запах, самый вкусный и сладкий.

А я вдыхала его запах, смешанный с ароматами леса и гор, которым он пропитался насквозь, и прижималась к нему теснее. Потом мы долго целовались и никак не могли остановиться. За неделю разлуки мы успевали истосковать друг за другом.

– Хочу видеть тебя каждую минуту, каждую секунду. И чтобы ты всегда была в пределах моей досягаемости. Я стал ненавидеть календари, на которых зачёркиваю дни до нашей встречи, – шептал Матвей.

Кожа на моём теле, словно светлячки ночью, вспыхивала и горела от его прикосновений, жар в крови разгорался всё ярче и ярче. От поцелуев кружилась голова. Мои пальцы, касающиеся гладкой кожи Матвея, как будто получали сверхосознание: точно знали, как доставить ему наиболее острое удовольствие. Каждый его стон звучал для меня песней и добавлял возбуждение. До встречи с Матвеем я не знала о своей страстности, подозреваю, именно он её разбудил, ни у кого бы другого не получилось. Наша любовь изначально не была платонической, слишком много в ней имелось физиче-

ской страсти. Мы подходили друг другу будто два пазла, две половинки целого.

Когда Матвей засыпал, я, подремав ещё немного, вставала, принимала душ и отправлялась готовить завтрак. За два выходных, что мы проводили вместе, выбирались из квартиры лишь в магазин за продуктами. Как-то в один из его приездов я потащила Матвея на выставку современной живописи, после часа просмотров, я заметила: он смотрит лишь на меня и совсем не обращает внимания на картины. Его взгляд тревожил и волновал так, что вскоре вместо картин я видела только его лицо. К выходу из выставки мы почти бежали, а потом неслись домой, взявшись за руки. После этого случая решили оставить культурные мероприятия на потом, когда будем жить вместе и вдоволь насытимся друг другом. Тогда мы не подозревали, что самыми трудными будут для нас шесть месяцев до окончания моей учёбы.

Квартиру родители Матвея обставили в авангардном урбанистическом стиле хай-тек модном в девяностых годах: белые и чёрные краски стен и пола, металл, стекло, минимум мебели. В совмещённой с кухней гостиной стоял вычурный стол на блестящей железной ножке из трёх переплетённых между собой змей, столешницей служило толстое прозрачное стекло, на котором при касании пальцев к нему оставались мутные отпечатки. Кухонные шкафы, электрическая печь и приборы отливали серебристым цветом. Такого же цвета вдоль стены располагались консоль под телевизор и

шкаф-прямоугольник с открытыми полками. Жёсткий светло-серый диван и два кресла пытались слиться со стеной, что вполне успешно им удавалось. На металлических стульях с высокими спинками было неудобно сидеть. Мне не нравилась обстановка в квартире, я чувствовала себя неуютно. Приготовив поесть, старалась не задерживаться в гостиной, сразу отправлялась в комнату Матвея. С двух лет он жил в лесном посёлке с бабушкой, напивался яркими красками природы, его, видимо, тоже угнетал чёрно-бело-металлический окрас квартиры, поэтому свою комнату он обставил по-своему, абсолютно в диссонансе с общей стилистикой. Кровать, шифоньер, стол и книжный шкаф, сделанные из дуба, радовали глаз мягким солнечным оттенком, на полу лежал небольшой светло-кремовый ковёр, окно украшала белоснежная тюлевая занавеска. Мой любимый жил в этой комнате, пока учился в институте, по его окончании он сразу вернулся в Верево. Эти пять лет единственные прожитые им вместе с родителями. Будучи инженерами, они, оставив маленького сына на бабушку, трудились в разных странах на строительстве атомных электростанций. Когда я поселилась в их квартире, они как раз работали в Иране. Я надеялась, что успею доучиться до их возвращения, но мои надежды не сбылись. Я была на пятом курсе, когда получила от Матвея сообщение: в начале января его родители возвращаются на родину. Сказать, что я разволновалась, значит, ничего не сказать. Я запаниковала: находиться в одной квартире с по

сути незнакомыми мне людьми, пусть даже родными моего парня, было страшно. Было.

– Может, мне перебраться к девочкам в общагу? – поинтересовалась я у Матвея.

Он покачал головой.

– Я уже сообщил родителям, что мы обручены и через полгода поженимся. Они знают: в их квартире живёт будущая невестка, поэтому тебе незачем переезжать. Они у меня вполне современные люди, никто тебя третировать не станет. Тем более, что моя мама давно мечтает о внуках, – произнес я последнее слово, он запнулся.

Как-то в пылу откровения Матвей озвучил свою мечту: завести минимум трёх детей. Мол, тогда я точно от него не сбегаю и всегда буду рядом.

– Но пока я никто, – возразила я. – Вдруг им будет со мной некомфортно?

Матвей возмутился:

– Как это никто? Ты самый близкий мне человек, – он наклонился к самому уху и прошептал: – Напомнить, насколько близко бываешь со мной.

Чёрт! Когда я разучусь краснеть. Уже далеко не невинная девочка, а поди ж ты, заливаюсь малиновым цветом.

Матвей поцеловал меня в шею, коснулся языком мочки уха, заставив мою кожу покрыться мурашками.

– Мне так нравится, когда ты смущаешься.

– Прекрати дразнить.

– Настя, пожалуйста, потерпи полгода, иначе я буду переживать за тебя. Ты вечно находишь неприятности на свою голову. Я не смогу нормально работать, зная, что ты одна в чужой квартире. А в общежитии ещё хуже: там ведь бедлам. Хочешь, чтобы я от ревности с ума сошёл.

Да уж. Его ревность – огромная проблема. Что он жутко ревнив, я поняла уже вначале нашего знакомства. Он злился на любого представителя сильно пола, посмеявшего задержать на мне взгляд дольше обычного. Помогали охладить его лишь уверения, что он единственный для меня мужчина на земле. В первое время он кипел, будто чайник на плите, наблюдая восторженные взгляды мужчин, смотрящих мои выступления. Особенно он не любил, когда я танцевала в паре. Не раз совершенно серьёзно обещал поколотить моего партнера, если тот продолжит изображать на сцене любовь ко мне. Димка качал головой и разводил руками.

– Настя, до чего же твой парень дикий. Матвей, объясняю в последний раз: мы не изображаем любовь, а танцуя, проживаем маленькую жизнь. В эти минуты становимся другими людьми. Например в танго – мы любовники, в вальсе – нежные влюблённые, в мунейро² – два противника или смертельные враги. Именно умение перевоплощаться так нравится зрителям. У Насти талант к перевоплощению.

---

² Мунейро – разновидность испанского танца. Мунейро считается одним из самых древних испанских танцев. По некоторым данным, он был заимствован ещё у иберийцев, живших на территории современной Испании до нашей эры.

Я тоже терпеливо, будто ребёнку, объясняла Матвею, что на сцене – лишь иллюзия страсти и любви, лишь игра. Настоящие чувства только в жизни. Матвей хмурился, обнимал меня.

– Да понимаю я, но ваши иллюзии разрывают мне сердце. Скорее бы ты окончила институт и вернулась в Вереево. Будешь учить танцам детей, и перевоплощаться в одиночку.

***

Родители Матвея прилетали после полудня. За день до их приезда, я усердно выдраила квартиру, заглядывая в каждый уголок. Матвей, как всегда, появился рано утром, пахнущий свежим снегом и ветром, наклонился и поцеловал меня в щёку.

– Замёрз. Дорогу засыпало, еле добрался.

Он сбросил одежду, лёг под одеяло. Я улыбнулась, когда его тёплая грудь коснулась моей спины.

– Не так уж и замёрз.

Он фыркнул и положил холодные кисти рук мне на плечи. Я взвизгнула от неожиданности.

– Стоило дольше подержать руки в тёплой воде, – произнёс Матвей, убирая ладони.

Я повернулась к нему лицом, взяла его пальцы в свои и стала дышать на них.

– Сама согрею.

Матвей чмокнул меня в макушку.

– Я сдвинул время экскурсий к водопадам – на этот раз останусь на целых четыре дня. Побуду с родителями и с тобой, помогу тебе адаптироваться к ним.

Я обрадовалась.

– Спасибо.

Матвей притянул меня к себе вплотную и прошептал:

– Как ты меня отблагодаришь? – Его пальцы прошлись по моему позвоночнику, будто по кнопкам флейты, я невольно выгнулась. – Ты мой самый любимый инструмент...

Я прикусила губу, сдерживая стон. А вот не буду поддаваться и всё! Но меня хватило ровно на пару минут, уж больно опытным музыкантом был Матвей. Спустя время, я оставила его досыпать, а сама отправилась приводить себя в порядок: мне хотелось как можно лучше выглядеть при встрече с его родителями.

Завтракали мы в двенадцатом часу дня. Потом я переоделась в выбранный наряд.

– Ого! Вместо привычных брюк, платье. Ты явно готовилась, – похвалил меня Матвей. Одобрил он и сапоги на высоком каблуке и новое приталенное пальто.

На улице крупными, пушистыми хлопьями валил снег, машины на дороге походили на сугробы и двигались медленно – в аэропорт мы добрались, когда лайнер уже приземлился. Родители Матвея прошли паспортный контроль, получили багаж и ожидали нас в зале прилёта. Отец Матвея и

впрямь походил на Тургенева, каким тот выглядел в пятьдесят пять лет, его так и хотелось назвать не Федором Сергеевичем, а Иваном Сергеевичем. Он осторожно, словно боялся сломать, пожал мне пальцы огромной ручищей, улыбнулся в бороду и дружелюбно пробасил:

– Приятно познакомиться, Анастасия. Какая ты миниатюрная, однако.

– Только по сравнению с вами, – произнесла я, улыбаясь в ответ. Фёдор Сергеевич мне сразу понравился, я решила, что мы с ним поладим. А ещё я поняла, от кого Матвей получил удивительные зелёные глаза, именно такие, только окружённые морщинками, сейчас весело смотрели на меня.

– И мне приятно, – кивнула Вероника Олеговна, рассматривая меня в упор.

Меня смутил её пристальный взгляд.

– Здравствуйте.

Матвей пожал руку отцу, обнял мать. Вероника Олеговна живую смотрелась ещё потрясающе, чем на фото. Я знала, что они с мужем ровесники, но она выглядела моложе его лет на пятнадцать – ей нельзя было дать больше сорока лет. Чёрные волосы обрамляли ухоженное, чуть загорелое лицо, алая помада удивительно подходила к серо-голубым глазам. Дурное предчувствие, посещающее меня перед встречей с будущей свекровью, заговорило во весь внутренний голос: «Ты ей не понравилась». Бывает так, что с первой секунды понимаешь, с этим человеком ты не одной крови. Если не проис-

ходит совпадения по каким-то внутренним, почти неуловимым признакам, тут уж ничего не поделаешь, симпатия не возникает.

Выйдя из здания аэропорта на парковку, Вероника Олеговна, увидев снег, обрадовалась.

– Как чудесно! За три года я соскучилась по такому снегопаду.

Матвей, сложив чемоданы в багажник «Нивы», посадил родителей на заднее сиденье автомобиля. Прибыв домой, Вероника Олеговна заинтересовалась у сына.

– Ты забронировал столик в ресторане на вечер, как я просила?

– Да. В твоём любимом Bellini на семь вечера.

– Замечательно. Приму душ, отдохну, и поедем отмечать наше возвращение домой.

Я прикинула: до перекуса в итальянском ресторане ещё три часа; хорошо бы нагулять аппетит, побродив по улицам города. Эту идею Матвей принял на ура, мы быстро переоделись и отправились наслаждаться падающим снегом. Вернулись мы немного уставшие, но очень довольные, снова облачившись в нарядную одежду, стали ожидать в гостиной выхода Вероники Олеговны из комнаты. Когда она появилась, я едва удержала челюсть, вовремя захлопнув рот. Мама Матвея выглядела ошеломляюще в длинном, тёмно-синего цвета вечернем платье, которое подчёркивало тонкую талию и высокую грудь. Под ярким электрическим светом в серёжках

на ушах и в колье на шее Вероники Олеговны сверкали благородные сапфиры. Рядом с такой роскошной дамой я ощутила себя золушкой до того, как ту преобразила крёстная. Я-то думала, это будет семейный ужин, а не королевский выход в свет. В своём маленьком чёрном платье и цепочкой из серебра, я выглядела весьма простенько. Так как Вероника Олеговна была в туфлях, Матвей донёс свою маму из подъезда дома до такси на руках, таким же образом она попала из авто в ресторан. Когда мы появились в зале, все взгляды людей, сидящих за столиками, устремились на Веронику Олеговну. Я много раз слышала слова из песни «ах, какая женщина», но впервые видела, что именно эта фраза буквально написана на лицах мужчин. Меня не огорчило, что всё смотрят только на маму Матвея, не люблю повышенное внимание, этого мне хватает и на сцене, но плохое предчувствие снова постучало в сердце. Правда, я вскоре позабыла это за интересной беседой и вкусной едой. Оказалось, что родители Матвея обладают потрясающим чувством юмора, особенно Вероника Олеговна. Она так смешно повествовала о забавных случаях, недоразумениях и приключениях в Иране, случившихся с ними, что от нашего столика то и дело раздавались взрывы смеха. Я ещё никогда так много и долго не хохотала, у меня даже заболели мышцы живота. Мужчины пили сухое вино, для нас было заказано шампанское.

«И чего я так опасалась его родителей? – подумала я, фыркая от пузырьков шампанского, щекотавших мне нос. – Они

просто замечательные».

Я впервые была в этом ресторане, мне понравился светлый, бело-голубой зал, оформленный в средиземноморском стиле, приглянулось обилие зелени, и рыбки, плавающие в большом аквариуме. Я была просто счастлива. Домой мы вернулись за полночь. Вероника Олеговна отправила нас в душ первых, заявив, что любит понежиться в ванной и не хочет никого задерживать. Выкупавшись, я растянулась на кровати, поджидая Матвея. Хоть он и принял водные процедуры по-солдатски быстро, я всё равно успела задремать.

– Соня, засоня... ну почему ты не дождалась, – прошептал он мне на ухо.

Тёплые губы коснулись шеи, поцелуями он продел цепочку до груди. Я вдохнула исходящий от влажных волос Матвея запах лимонного шампуня, потянулась всем телом, сбрасывая сон, и подалась навстречу его ласкам. Матвей попытался отбросить одеяло в сторону, но запутался в пододеяльнике, я тихо засмеялась, услышав, как он чертыхается. За дверью послышались шаги, затем раздался странный мелодичный звон, будто стукнули один хрустальный бокал о другой. Мы замерли.

– Что это было? – удивилась я.

Матвей предположил:

– Послышалось, наверно.

– Сомневаюсь.

Я вдруг осознала, что мы в квартире не одни, а звуко-

проницаемость стен не очень хорошая.

– Уверена, что звон донёсся из кухни.

Матвей выпутался из одеяла и попытался продолжить натиск на меня, но я ответила слабо.

– Ты что, стесняешься?

– В общем-то да. Мне неловко если твои родители нас услышат.

Матвей обнял и прижал меня к груди.

– Они взрослые люди и вполне понимают, чем мы можем заниматься в спальне. Не обращай внимания.

Я немного виновато ответила:

– Не могу. Вполне осознаю, что смешно строить из себя невинность после полутора лет отношений, но мне очень некомфортно.

Матвей фыркнул.

– Ты и есть сама невинность. Пожалею тебя на этот раз. – Ловко повернув меня на бок, заботливо укрыл одеялом. – Спи. Ты устала. День для тебя был очень хлопотным.

– Немного. Но я довольна. Мне понравились твои родители, я провела с ними отличный вечер.

– Хорошо.

Я понимала: моя зажатость родом из детства и юности. В моей семье родители не проявляли нежности друг к другу, не помню, чтобы мама поцеловала или обняла папу, это было неприято. Даже мы, дочери, редко удостоивались ласки. Я знала: папа любит маму, это проявлялось в его поступках,

в доброте и во внимании к ней. Она в свою очередь показывала свои чувства, заботясь о нас. В доме всегда царил безупречный порядок, вещи вовремя выстираны и выглажены, на столе вкусная еда. Именно так считала мама правильным доказывать свою любовь. Она учила: более интимные вещи никто не должен видеть, во всём должно соблюдаться приличие. Мне иногда казалось: внешнее приличие – главное для мамы. Она не раз повторяла:

– Настоящая женщина при любых обстоятельствах должна сохранять лицо и не распускать себя.

– Прямо как самурай, – дерзнула я как-то подколоть маму, но она холодно кивнула.

– Похоже.

Для неё важно мнение родственников, соседей, коллег по работе и чужих людей. Мама всегда выглядела с иголки: светлые волосы уложены в причёску даже в выходные дни, домашнее платье безукоризненно отутюжено, лёгкий макияж нанесён на лицо. Лишь единожды я видела маму другой: растрепанной и потерянной, с безумным от горя взглядом, когда из полиции сообщили, что Алёна пропала. Наблюдая за родителями, я иногда задавалась вопросом: как они ухитрились родить меня и Алёну? Невозможно было заподозрить, что в них тоже заложен инстинкт продолжения рода. Спасибо книгам, интернету и подругам о переменах в собственном растущем организме я узнавала оттуда, мама же не считала нужным меня в это посвящать.

Спокойный и уравновешенный муж, старшая дочь, рано сообразившая как себя правильно вести, радовали маму. Они соответствовали её образу идеальной семьи. Я же вечно выбивалась из этой глянцевой картинки. Если Алёна возвращалась с прогулки в чистом платье, незапачканной обуви, то я появлялась грязная, как чёрт, в синяках и порезах. Почему-то мне на пути вечно попадались интересные лужи, загадочные кусты и драчливые мальчишки, которым я не желала уступать. Половину времени в своём детстве я простояла в углу за различные проступки. Я редко просила прощения, так как вредности и упёртости мне было не занимать, наказание обычно отменялось из жалости. Я никогда не вписывалась в мамино представление о хороших девочках, но она, как могла, боролась с моей излишней эмоциональностью, смешливостью и желанием лезть куда не просят. Только все её попытки потерпели крах: настоящей леди из меня не получилось. Мама не одобряла и моё увлечение танцами. С бальными или чопорными вальсами она бы смирилась, но остальные: латиноамериканские, венгерские, цыганочку и танго считала вульгарными и неподобающими для девушки. Побывав однажды на моём выступлении, была шокирована.

– Ты танцуешь слишком откровенно. Это не соответствует юной девушке. Не удивлюсь, если эти танцы научат тебя развязности.

После её реплики я осознала: она так и не увидела красоты движений и никогда не поймёт меня. Сколько бы я ни ста-

ралась, она будет видеть во мне лишь безрассудную, непослушную дочь. В своей семье я задыхалась от бесконечного наведения порядка, чистки и уборки. Догадывалась, мама получает от этого настоящее удовольствие и удовлетворённость, а вот меня не волновало, накрахмалены ли скатерти, есть ли пыль за диваном и креслами, появилась ли паутина в углу, мне хотелось поехать с родными на рыбалку, пойти с ними за грибами или поиграть в бадминтон.

Обычно в январе ночи тёмные и малозвёздные – я не стала закрывать окно шторами и, теперь, проснувшись, обнаружила, что в комнате светло. За стеклом продолжал сыпать снег, верхушку клена украсила пушистая белая шапка, и от этой белоснежности показалось, что уже наступило утро. Посмотрев на светящийся экран телефона, с удивлением обнаружила, что прошло лишь полтора часа. В горле ощущалась сухость: нестерпимо хотелось пить. Набросив халат на ночную рубашку, я на цыпочках вышла их комнаты, осторожно ступая, побрела на кухню. Через узкую щель неплотно закрытой двери ванной комнаты просачивался свет, раздавались звуки льющейся воды. Я залпом выпила стакан холодной воды. Неужели Вероника Олеговна до сих пор принимает ванну? Она сказала: любит понежиться. Ну почему столько времени? Так и хвост недолго отрастить. Также неслышно я вернулась в спальню. Села на кровати, глядя на падающий снег. Матвей что-то сонно пробормотал, его рука стала шарить по кровати. Мне стало смешно: даже во сне он искал меня. Я

взяла его за руку, он сразу успокоился и, как младенец, причмокнул губами. Я прикусила губу, чтобы не расхохотаться, так забавно он выглядел. Но вскоре смех буквально застрял в горле: в углу комнаты появилась белесая туманная фигура. Постепенно она сформировалась, и я узнала Марину. Давненько она не появлялась, обычно это сулило мне какие-то перемены или неприятности. Впервые призраков я увидела в Вереево, их появление связываю напрямую со своим знакомством с бабкой Феодорой. До встречи с ней я не верила ни в ведьм, ни в колдунов, ни во что-то сверхъестественное, но старая карга что-то сотворила со мной – я стала наблюдать потусторонних личностей. После поимки убийцы в которой я непосредственно участвовала, призраки погибших девушек больше не появлялись передо мной. Но Марина другое дело, к её гибели причастна моя сестра, этот призрак остался и теперь изредка навещал меня. Привидение не было страшным, не пугало, не вызывало жути, обычно девушка тихо стояла и, минуты три посмотрев на меня, исчезала. С радостью обошлась без этих посещений, но призрак отчего-то привязался ко мне. Я не боялась Марину, но каждый раз после её посещения сердце будто застывало, а в душу проникал странный холод. Дождавшись, когда она исчезнет, я нырнула к Матвею под одеяло, прижалась спиной к его груди и попыталась согреться, прогнать этот холод. Рука любимого легла мне на плечо, пальцы погладили кожу. Удивляюсь ему, будучи в самом крепком сне, он, отыскав меня на

кровати, всегда обнимал. Я же обычно сопротивлялась, отвоёвывая себе личное пространство, но в такие вот минуты не возражала и сама к нему приникала.

Утро застала нас в объятиях друг друга.

– Ну и зачем тебе эта ночная рубашка? – прошептал на ухо Матвей. – Всё равно она задралась до талии. Хотя... мне так удобнее. – Его пальцы заскользили по-моему бедру. – Не бойся, родители рано не встают, они ещё спят. Мы тихонько.

Тихонько у Матвея не получилось, хоть я и старательно закрывала ему рот поцелуями, заглушить его не удавалось. Насколько мои попытки оказались безуспешными, я узнала за завтраком.

Утром на кухне у плиты я застала Фёдора Сергеевича, он, мурлыча себе под нос, раскладывал на тонком куске теста кружочки колбасы и ветчины. От духовки несло жаром.

– Доброе утро, Настенька.

– Доброе утро. Вам помочь?

– Если не трудно.

– Не трудно. Сейчас быстренько умоюсь, приведу себя в порядок и я в вашем распоряжении.

Через десять минут я, повязав фартук, уже ставила пиццу в духовку.

Фёдор Сергеевич сервировал стол, когда из спальни выплыла Вероника Олеговна в шелковом халате в пол. К моему удивлению, она уже была при полном параде: уложенные волосы, алые губы, покрашенные глаза.

– Всем хорошего дня. Что у нас на завтрак? – произнесла она, присаживаясь к столу.

Фёдор Сергеевич аккуратно приложился к её напудренной щеке губами.

– Пицца. Сейчас отрежу тебе кусочек.

Вероника Олеговна оглядела гостиную.

– Матвей ещё спит?

Я кивнула.

– Настенька, ты его совсем замучила. Мужчина ведь больше тратит сил, можно его немножко и пожалеть.

Фёдор Сергеевич неловко кашлянул, а я чуть не поперхнулась чаем, сообразив, о чём говорит будущая свекровь.

Вероника Олеговна хмыкнула.

– Да не конфузься ты так. Дело молодое, а мы не какие-то замшелые пни, всё понимаем.

Фёдор Сергеевич легонько сжал плечо жены.

– Ты совсем девочку засмутила. Настя, всё в порядке. Не обращай внимания. Ника всегда была прямолинейным человеком.

Вероника Олеговна улыбнулась.

– Настя, извини, если смутила тебя. Зато я никогда не держу камней за пазухой. – Посмотрев на мужа, поинтересовалась: – Федор, почему бы нам не устроить сегодня приём для друзей? Мы так давно их не видели.

– Хорошо. Я обзвоню всех. Еду закажем в нашей любимой кафешке.

Дальше они беседовали, уже не обращая на меня внимания. Я немного расслабилась и смогла доесть кусок пиццы, который буквально застревал у меня в горле. Чёрт бы побрал тех, кто строит такие квартиры! Они хоть немного подумали о звукопроницаемости стен? Из чего их вообще соорудили? Из картона что ли? Как же неудобно перед родителями Матвея.

Оставшиеся три дня пребывания Матвея дома прошли в сплошном праздновании. Первый вечер мы провели с друзьями его родителей. Вероника Олеговна представляла меня и сына своим старым знакомым. С улыбкой выслушивала слова восхищения:

– Вы прямо как брат и сестра, а не мать и сын.

– Матвей выглядит слишком взросло для такой молодой мамы.

– Понятно в кого пошёл Матвей. Просто красавец.

Я видела, с каким удовольствием Вероника Олеговна слушает комплименты, какой радостью загораются её глаза. Понимала: она имеет полное право гордиться сыном, а также собой, сохранившей привлекательность и стройность. Это миг её триумфа. Она пожинает плоды своего титанического труда. Чтобы понять, как трудно бороться с возрастом и природой, стоило лишь перевести взгляд на дам, сидящих рядом с хозяйкой дома. Её институтские и школьные подружки выглядели на все свои под шестьдесят. Некоторые мужчины, бывшие старше своих жён на несколько лет, и вовсе

смотрелись дедушками. Но меня немного коробило желание Вероники Олеговны без конца получать подтверждение её личности. Подруги юности моей будущей свекрови сначала испытывали неловкость рядом с обворожительной ровесницей, но нужно отдать должное её обаянию и умению вести беседу, она ухитрилась каждой даме сделать комплимент и постепенно увлекла в разговор всех гостей, вскоре они почувствовали себя непринуждённо. Я переводила взгляд с одной женщины на другую, почти все выглядели на свой возраст, особенно двое походили на бабушек, их легко можно было представить, окружённых внуками. Я слушала воспоминания о молодости, забавных случаях из жизни родителей Матвея и их друзей, и думала: неплохо они покуролесили, наше поколение по сравнению с ними живёт скучновато. Спустя три часа застолья мы с Матвеем подустали, а Вероника Олеговна с друзьями по-прежнему выглядели бодро, вот что значит закалка. Понятное дело им интересно вспоминать, для нас же это всё далёкое и чужое, да и людей этих я видела впервые. Я предложила Матвею тихо покинуть застолье и прогуляться на свежем воздухе. Вернувшись домой, мы застали компанию в уменьшённом составе. Последние гости покинули квартиру в третьем часу ночи, мы даже не пытались заснуть под взрывы хохота и громкие разговоры.

На третий день Вероника Олеговна собрала девичник, чтобы поближе пообщаться с подругами, посиделки снова затянулись далеко за полночь.

В последний день пребывания Матвея в коротком посленовогоднем отпуске нам снова не удалось нормально выспаться, на этот раз собирались друзья Фёдора Сергеевича поиграть в преферанс.

После полудня я проводила Матвея в дорогу, он прижал меня к себе и виновато прошептал:

– Родители скоро уgomоняться, просто они больше десяти лет не видели друзей. Из одной командировки отправлялись в другую, а теперь оттягиваются.

Я встала на цыпочки, взяла его лицо в ладони.

– Понимаю. Не переживай за меня.

Он поцеловал кончики моих пальцев, чмокнул в нос.

– Вернусь, как обычно в выходные или сразу как проведу экскурсии.

Надежда, что родители Матвея уgomонятся, не сбылась, они принимали гостей два-три раза в неделю. Я поражалась их неуёмному желанию общаться. После весёлых ночей приходила на занятия сонная, на лекциях дремала. Но больше всего пострадала наша личная жизнь с Матвеем. Мы виделись редко, он работал за сто тридцать километров от Краснодара, я училась. Мы скучали друг за другом, но зная о хорошей слышимости в квартире, я вела себя как девственница, пугалась каждого звука. Ни о каком интима не могло быть и речи. К моей радости Матвей меня понимал, иначе мне пришлось бы ещё труднее. Мы будто тайные любовники свиданичали в гостиницах или на квартирах друзей. Оконча-

ния моей учебы оба ожидали с нетерпением.

За пару месяцев я приноровилась к ритму жизни родителей Матвея. В гостевые дни допоздна задерживалась в студии танцев, ночью спала в наушниках, в тихие – сидела над книгами, наслаждаясь тишиной. Если бы раньше кто-то сказал мне, что ради спокойствия любимого буду терпеть неудобства, не поверила бы. Но теперь так и было, я твёрдо решила выдержать эти полгода: они ничто по сравнению с остальной жизнью, которую собиралась прожить с Матвеем. Пусть это время станет моим испытанием. С Фёдором Сергеевичем мы быстро нашли взаимопонимание, он явно симпатизировал мне, вскоре я стала воспринимать его как отца. Впрочем, он и вёл себя как отец: интересовался моей учёбой, успехами в танцах и здоровьем. А вот с Вероникой Олеговной у нас установился нейтралитет: ни мир, ни война, а так серые будни. Я чувствовала, она не считает меня достойной её сына, не понимает, что он нашёл во мне. По её мнению я была обычной, ничем непримечательной девушкой. Наше общение сводилось лишь к трём фразам: доброе утро, спокойной ночи, всё в порядке. И чем холоднее становилась она, тем больше мне хотелось именно её признания. Я решила пригласить моих будущих родственников на рождественский концерт. Он состоял из лучших номеров, поставленных студентами нашего института. В нём я выступала сразу с двумя своими танцевальными номерами, стилизованными под танго и вальс. Мы с Митькой включили в классические тан-

цы современные движения и элементы акробатики. В танго у нас пронзительно и печально вместе с оркестром звучала скрипка, а в вальсе – саксофон. Выступив в первом отделении концерта с танго, я переоделась и подошла к родителям Матвея.

– У вас удобные места? Всё видно?

Фёдор Сергеевич пожал мне руку.

– Всё замечательно. Концерт необыкновенный. Какие, оказывается, у нас в Краснодаре талантливые люди. А ваш танец, Настенька, просто блеск.

– Теперь я понимаю, что необыкновенного отыскал в тебе Матвей, – задумчиво произнесла Вероника Олеговна. – Столько внутренней страсти и огня. – Она улыбнулась краешком губ. – А Матвей знает, что твой партнёр в тебя влюблён? Он не ревнует?

Я усмехнулась.

– Матвей ревнует, но он, как и вы, ошибается. Я и Дмитрий лишь играем в любовь на сцене, в жизни мы коллеги и друзья.

Вероника Олеговна покачала головой.

– Очень правдоподобно получается. То, что вы показали на сцене, захватило всех. Даже дышать было больно, хотелось плакать и любить также сильно.

– Ника, это и есть сила искусства, – произнёс Фёдор Сергеевич. – Всколыхнуть зрителя, очистить души и заставить сердца биться чаще.

– Честно сказать, Настя, не ожидала, что ты так талантлива, – Вероника Олеговна выглядела немного растерянной. – По тебе и не скажешь, что ты можешь чем-то поразить.

После того концерта мои отношения с матерью Матвея стали более тёплыми. А однажды рано утром я узнала, что она не такая уж уверенная в себе женщина. Как-то я застала Веронику Олеговну печально сидящую в кресле у окна. За стеклом едва-едва светало. Серую пелену зимнего утра прорывали яркие огни города. Комната, словно корабль по морю, плыла в туманном воздухе.

– Что случилось? – встревожилась я. – Вы заболели?

Она повернула ко мне лицо, и я впервые увидела её без привычного макияжа. Вероника Олеговна сейчас выглядела на свой возраст: уставшие глаза, глубокие складки, идущие от крыльев носа, и печально опустившиеся уголки губ.

– Заболела. Старостью. Поняла, что проигрываю ей. Как бы ни старалась, она побеждает. Я ничего не вижу впереди хорошего. Всё самое лучшее и прекрасное осталось в прошлом. Мы заключили последний контракт на три года, а потом станем обычными пенсионерами. И что нас ждёт? Сиденье у телевизора, прогулки и беседы с такими же бездельниками, как мы. Грустно это и безнадёжно. Знаешь, у меня даже увлечений никаких нет, могу только работать. Я же со скуки умру.

Я смотрела на неё и понимала: самый большой страх Вероники Олеговны постареть, она панически боится и бежит

от этого. Я не знала, как её утешить. Мои уверения, что она выглядит лучше многих женщин в её возрасте, не сработают, она и сама это знает.

– У вас есть ещё целых три года, чтобы найти новое увлечение. Думаю, вы его обязательно отыщете.

На деревянных ногах я приблизилась к будущей свекрови и обняла её. Для меня это было сродни подвигу. Вероника Олеговна, вздохнув, опустила голову мне на грудь и горько заплакала. Минут пять я растерянно гладила её по голове, не понимая, как успокоить. От её волос приятно пахло кофе и сухими листьями, этот запах навевал воспоминания об осеннем лесе.

– Спасибо, Настенька. Мне стало легче, – Вероника Олеговна смешно шмыгнула носом и поднялась с кресла. – Пора на войну. Пойду приводить себя в полную боевую готовность.

Глава 3

Вот и закончилась моя студенческая жизнь, почти месяц, как я работаю в Вереево и живу на турбазе «Серая сова» вместе с Матвеем. Сегодня к вечеру он вернётся с туристами из двухдневного похода к Гуамскому ущелью³. Завтрашний день я жду с предвкушением: Матвей пообещал устроить мне сюрприз. Несмотря на свой романтический облик принца, он вовсе не романтик, впрочем, и я тоже. Не люблю ванны с лепестками роз, может это и красиво, но непрактично, убирай потом эти цветочки, прилипшие к эмали, и отлепляй их с мокрого тела. Пробовали, знаем. Насмеялись вдоволь. Особенно терпеть не могу ароматические свечи, сразу начинаю чихать, а Матвей смешно чесаться. Мне больше по душе посидеть у костра и послушать пение птиц или обычных цикад. Вместо огромных оранжерейных букетов милее лесные колокольчики и ландыши. Но сюрпризы всё-таки люблю, да и креативный подход к обыденному вполне одобряю.

От студии танцев в доме Культуры, где я работаю, до турбазы четыре километра. Иногда я добираюсь туда на велоси-

---

³ Гуамское ущелье – узкое глубокое ущелье, в верховьях реки Курджипс. Ущелье расположено между хребтами Гуама и Лаго-Наки, резко обрываясь четырёхсотметровыми скалами к долине реки Курджипс. Находится на территории Апшеронского района Краснодарского края.

педу, иногда пешком. В хорошую погоду пройтись по лесной дороге одно удовольствие. В советское время на месте турбазы ныне, принадлежащей Матвею и его школьному другу Олегу Громову, была контора лесхоза. Во времена перестройки лесхоз закрылся, рабочих и служащих уволили, здания, оставшиеся без присмотра, постепенно стали разрушаться. Ещё кое-как работала конюшня, расположенная в трёхстах метрах от складов. Олег Громов, трудившийся в ней и конюхом, и ветеринаром на собственную мизерную зарплату заготавливал сено, покупал овёс и корма. Но вскоре дошёл черёд и до этих несчастных животных. Начальство, решившее продать опустевшие здания, заодно собиралось избавиться и от лошадей. Олег, холивший и любивший лошадей, чуть с ума не сошёл от горя. Он не понимал, как можно отправить на мясокомбинат этих красивых и вполне здоровых коней. Не зная как их спасти от ножа мясника, Олег обратился за помощью к другу. Матвей как раз окончив институт Физической культуры, вернулся в родное село. Он пребывал в глубокой печали: перед защитой диплома умерла бабушка, растившая его с раннего детства. Громов нашёл его опустошённым и потерянным. Какое время Матвей равнодушно слушал отчаянный рассказ Олега, но потом встрепенулся.

– Говоришь здания леспромхоза и конюшню вместе с лошадьми выставили на торги?

Олег замахал руками и принялся, прихрамывая на боль-

ную ногу, когда-то неудачно упал с лошади, ходить вокруг друга, сидящего на маленькой скамеечке.

– Контора, склады, столовая доброго слова не стоят, давно заброшены, а вот за конюшней я присматривал. Так что дороже всего обойдутся лошади с конюшней, остальное пойдёт довеском.

Глаза у Матвея загорелись.

– К лесхозу ведь подвели электричество. Как думаешь, оно сохранилось?

– Понятия не имею. Как заколотили окна и двери, так до сих пор всё и стоит. На столовой в одном месте крышу раскрыло ветром, может там всё до штукатурки осыпалось.

Матвей вскочил с неудобной скамеечки.

– Поехали.

– Куда? – удивился Олег.

Матвей молча выкатил из гаража мотоцикл, завёл его и, перекрикивая шум мотора, указал на сиденье.

– Прыгай. Поедем смотреть будущую покупку.

Огромные дубы и лиственницы образовывали зелёную арку над узкой грунтовой дорогой, идущей от Вереево к лесхозу. Мотоцикл за десять минут доставил седоков к покосившимся воротам.

Олег неловко спрыгнул с сиденья.

– Что ты задумал?

– Давай всё осмотрим, а потом я расскажу о своей задумке. Лады?

Матвей отыскал кусок арматуры возле забора, отодрал доски, перекрестившие двери столовой. Олег испугался.

– Ты что делаешь?

– Хочу посмотреть в каком состоянии бывшая столовка.

Когда они вошли в помещение, на них пахнуло затхлым воздухом и мышами. Однако, внутри всё выглядело значительно лучше, чем снаружи. Пол и стены, облицованные светлым кафелем, смотрелись вполне презентабельно. Пострадала лишь одна комната, бывшая овощная, в дыру на крыше заливал дождь, попадал снег, поэтому на стенах были разводы, плитка на полу вздулась и в нескольких местах отскочила. Контора с кабинетами начальника, бухгалтерии и других служащих тоже выглядела неплохо. В хорошем состоянии находилась пара складов и два гаража. К огромному удивлению Матвея электричество не было отключено, а вот вода не текла из кранов.

– Насосы отключены. Здесь ведь не центральное водоснабжение. Вон там насосная станция, – Олег показал рукой на бетонный квадрат за столовой. – Если насосы в рабочем состоянии, то можно их смазать, заправить соляркой и попробовать включить.

Матвей махнул рукой.

– После проверим. Тут лучше, чем я думал. Мне казалось, тут растащили всё, что плохо лежит.

Олег усмехнулся.

– В принципе одни голые коробки и остались, начальство

разрешило работягам забрать, что не привинчено. Но дальше разорять никто не осмелился. Забыл, что лесхоз рядом с Чёртовым логовом. Для жителей Вереево это место табу, а чужие и понятия о нём не имеют. Можешь мне сказать, что ты надумал?

– Выкупим конюшню и здания. Землю под ними возьмём в аренду. Рядом с Вереево пролегают несколько туристических маршрутов к озёрам, водопадам и дольменам. Кроме того неподалёку протекает речка, да и само место красивое: лес, чистый воздух, ягоды, грибы. Устроим здесь турбазу, откроем собственные пешие и конные маршруты.

Олег горько усмехнулся.

– А деньги сами с неба к нам посыпятся?

– Придётся стать бездомными.

– В смысле. Ты хочешь продать дом бабушки и предлагаешь мне тоже лишиться своего?

Матвей кивнул.

– И как можно быстрее. Переберёмся сюда. Будем здесь жить и работать.

Они рискнули, продали дома, взяли кредит и открыли турбазу «Серая сова». В первый год туристов размещали в отремонтированных бывших кабинетах конторы и даже в помещениях столовой. На третий год существования базы были построены пять первых деревянных домиков-коттеджей, появился небольшой пруд, в который запустили золотистых карпов. На полянках между деревьями разбили клумбы и по-

ставили беседки, вдоль песчаных дорожек по вечерам стали зажигаться декоративные цветные фонари. К моменту моего знакомства с Матвеем турбаза уже приобрела нынешний вид. Мне нравится здесь жить, полное ощущение, что находишься в лесу. Строя новые домики, старались сохранять деревья, поэтому «Серая сова» утопает в зелени. Между подрезанных деревьев и красивых кустарников произвольно выются песчаные дорожки, вдоль них стоят низкие шары фонарей. За столовой имеется крытая площадка со сценой в форме ракушки. Здесь в свободное время я стала давать уроки туристкам, желающим овладеть азами современного танца и несколькими эффектными движениями цыганочки, танго или ламбады. За две недели пребывания женщины успевают кое-чему обучиться, а перед отъездом мы устраиваем гала-концерт, чтобы они показали своё умение. Завтра после ужина как раз и состоится этот концерт. Сегодня после обеда мне предстояло провести репетицию с теми дамами, кто не участвовал в походе. Прощлой ночью мне опять привиделась Марина, девушка долго стояла в дверном проёме, заставляя меня холодеть от своего потустороннего присутствия. После её исчезновения я долго не могла уснуть и задремала лишь перед рассветом. Я не видела Матвея всего сорок восемь часов, но успела жутко соскучиться.

Я осталась довольна репетицией, туристки неплохо плясали цыганочку и польку, их неумелость искупалась искренностью и энтузиазмом. На базе имелся небольшой комплект на-

рядов разных размеров для танцев, я собиралась пополнить запас, поэтому заказала в Апшеронске в ателье пару-тройку русских сарафанов и штук шесть костюмов для восточных танцев, сегодня мне предстояло забрать готовый заказ.

К моей радости Олегу тоже понадобилось поехать в город, мне не пришлось самой таскать сумку с нарядами по маршруткам. Заодно я прикупила большой торт, фрукты и несколько бутылок шампанского к своему дню рождения. Я не знаю, какой сюрприз собирался мне устроить Матвей, но это явно связано с именинами. Возвращались на турбазу мы уже в седьмом часу вечера, солнце ещё светило ярко, его лучи, проникая через ветви деревьев, делали дорогу пятнистой от светотени. Вдруг чётко и ясно я услышала уже подзабытый голос бабки Феодоры.

– Ты должна ко мне придти. И как можно скорее.

Я громко вскрикнула и стала оглядываться: откуда раздался этот повелевающий зов? Олег нажал на тормоз, «Газель» дёрнулась, я чуть не врезалась головой в лобовое стекло.

– Чего орёшь? Что-то забыла в магазине? – поинтересовался Олег.

Я прислушалась – тишина.

– Олег, подожди немного.

Выбравшись из автомобиля, я как Большой ух из мультика, прислушалась к звучанию леса. Может, старуха, собирая травы где-то поблизости, заметила меня в кабине машины и

позвала. Я огляделась вокруг – никого. Почудилось? И тут снова раздался голос Феодоры.

– Выполни мою просьбу. Повидай меня в последний раз.

– Больше похоже на приказ, – огрызнувшись, замерла, до меня дошло: голос звучал внутри головы, словно я принимала от старухи телепатические сообщения.

Я забралась обратно в кабину, бросила взгляд на растерянного Олега.

– Прости, показалось что-то. Наверно, грибники по лесу ходят.

Он ничего не ответил, но усмешка на его тонких губах всё сказала за него. После истории с поимкой маньяка Олег считал меня чуточку ненормальной.

Чёрт, чёрт, чёрт! Вернее, чур меня. До встречи с бабкой Феодорой я не верила ни в ведьм, ни в колдунов, ни в призраков, ни в прочую мистическую чепуху. Знакомство с ней перевернуло моё мировоззрение, пришлось признать, кое-что необъяснимое обычной наукой всё же существует. В первый раз я повстречалась со старухой на лугу, она собирала травы. Меня поразила её внешность типичной ведьмы из детских сказок: нос крючком, почти касающийся впалого рта, острый подбородок, задранный вверх, жёсткие космы, выбивающиеся из-под чёрного платка и глубоко посаженные глаза со странным блеском. Но при этом бабка могла похвастаться ровной, не согнутой спиной и некоторой статью.

Эта старуха с первой встречи поняла кто я, откуда, и чем

занимаюсь. Правда, чуть позже она призналась, что выведала обо мне у посетительницы из Вереево и у моей сестры. Но это никак не объясняло её знаний, касающихся лично меня. Она никак не могла узнать, что я влюбилась в Матвея: сама тогда эти чувства ещё не осознавала. Но Феодора, столкнувшись со мной, сразу заявила:

– Иш ты, каким цветком любовь в тебе проклюнулась, как пышно расцветает. И почему именно вашей семье достался дар истинной любви? Чем вы заслужили? Я так и не смогла с ним справиться. Знала бы, что бесполезно сражаться, не начинала бы. Но что сделано, то сделано.

Её слова показались мне полной бессмыслицей. Спустя время эта необычная старуха, как паучиха собирающая сведения о жителях и гостях Вереево, приоткрыла завесу над тайной моей семьи.

– Ничего в этом мире не случается просто так, всё взаимосвязано. Кому суждено встретиться, тот встретится. Кого ожидает награда, тот её получит, а кому пришёл срок расплатиться за грехи, тому не избежать этого. Я всегда знала, что увижу потомков Степана. Услышав от посетительницы фамилию Зима, поняла: пришло и моё время.

Я удивилась.

– Хотите сказать, вы знакомы с моей семьёй?

Феодора хмыкнула.

– Что ты знаешь о своём прадеде Степане?

– Совсем немного. Его история грустная и поучительная.

После окончания учёбы в тридцать четвёртом году прадеда направили фельдшером в колхоз, в захудалый лесной посёлок, где толком не имелось дорог и благ цивилизации. Туда он прибыл с молодой женой. Спустя время, она вернулась домой одна, почерневшая от горя и переживаний. Родным объяснила: Степан, бросив её, ушёл к другой женщине.

Глаза Феодоры заблестели, но голос прозвучал твёрдо.

– Та женщина я. Всё сделала, чтобы их разлучить. Присушила его, сделав приворот на крови. Стёпа даже жену беременную бросил, вот какой силы я навела приворот. Но когда она ребеночка скинула, Степа стал чахнуть и болеть. Присушить-то я присушила, да видать сильно он жену любил, поэтому его душа с телом не в ладах находилась. Его жена пожила здесь ещё несколько месяцев одна и уехала домой к родителям. Я обрадовалась: теперь всё у нас наладится. Но Степан по-прежнему ходил как в воду опущенный. Кто ж знал, что вашей семейке дан дар любить лишь единожды и до самой смерти. Я не собиралась сдаваться, хотела ещё кое-что предпринять, но тут ему кто-то сообщил, что жена умерла. Степан как узнал об этом, с ума сошёл. Я сама вынула из петли его хладный труп, а спустя три месяца мои детки родились мёртвыми. Жизнь отомстила мне за чужую исковерканную судьбу. Всех родных схоронила, осталась последней в роду, почитай уже лет пятьдесят бобылкой живу. Я ездила на родину Степана покаяться и прощения у твоей семьи попросить. Знаешь, что меня добило? Жена Стёпы уже дома

родила второго ребенка мальчика и умерла родами. Значит, они как-то преодолели мои чары и сумели увидеться без моего ведома.

Во вторую нашу встречу Феодора, увидев, как я кошусь на её лицо, огорошила меня:

– Неизвестно как ты сама будешь выглядеть в старости. Облик в юности дарует нам Бог. То как мы выглядим потом, зависит от нас. Человек, сделавший много зла, жадный, сварливый получает уродливую внешность, а весёлый, добрый, открытый, не помнящий обид – красив и в глубокой старости. Я поздно отвернулась от колдовства и долго не могла изжить обиду на весь мир. Вот и заполучила этот облик. Он мне в наказание. Правда, мои односельчане не позволяют позабыть прежние способности, то и дело просят «помочь». Кто, по-твоему, более виноват, человек, что просит приворот или тот, кто его делает?

Я возразила:

– Оба. А насчёт внешности чепуху городите. Наука доказала: каждая эмоция нагружает определенную группу лицевых мышц. С возрастом те мышцы, что работали сильнее всего и формируют внешность. – Довольная таким выводом я гордо посмотрела на Феодору, но она лишь покачала головой, что, мол, с дуры взять.

– Не веришь в чары?

– Не верю. Что если прадед поддался не вашим чарам, а обычному любовному искушению? Мало ли мужиков броса-

ют жён, и не всегда потом происходят такие катастрофические последствия.

Старуха улыбнулась жутковатой улыбкой, похожей на оскал собаки, собирающейся напасть на человека.

– Говорю с тобой, потому что меня заинтересовали потомки Степана. Захотелось на вас посмотреть. А моё заклятье оказалось очень сильным, и через три поколения его отголосок звенит в вас. Чай с брусникой обожаешь и варенье из неё любишь. Самый любимый у тебя цвет – зеленый. Запах листьев герани для тебя лучше духов. Всё правильно назвала? – ехидно произнесла Феодора.

– Откуда вы знаете? – у меня неприятно засосало под ложечкой.

– Приворот на любовь включает в себя привязку человека не только на крови, но и с помощью цвета, вкуса, запаха. Сейчас говорят изменение ауры, а раньше это называли изменением сущности. Это я люблю бруснику и запах герани, – усмехнулась старуха. – Удивительно, Степа сумел кровь перебороть, а такие мелочи, как любовь к определенным ягодам и цветочкам передалась даже его потомкам. – Я вижу человеческую суть. Одни люди носят в себе свет, другие тьму. Я могла бы и без рассказов людишек многое им поведать.

Слушая о прошлом семьи, в моей душе возникла острая неприязнь к этой старухе. В её спокойном размеренном голосе не чувствовалось раскаяния, если оно и было, то совсем чуть-чуть. Следующие слова Феодоры подтвердили

мои мысли.

– Вижу, ты тряпка, как и твой прадед, – заявила она. – Степан тоже не мог подняться над обыденностью. Всё болтал о совести. Мол, нельзя использовать людей в своих целях. Глупости! Можно, если от природы дано больше. И не вам, мелким людишкам, меня судить. Я жалею, что колебалась и не пошла до конца, нужно было уничтожить даже память Степана о жене. Пусть бы стёрлась его личность, зато появилась бы новая, и он остался бы жив.

Вот так моя вера в физические законы мира была поколеблена Феодорой. Может, это и к лучшему, когда я встрети­лась с призрачными созданиями, то не упала в обморок, не стала биться в истерике, а восприняла их более или менее спокойно.

Местные жители боялись и называли Феодору ведьмой, но при этом ходили к ней за травами от различных болезней, погадать, найти пропажу, снять или навести порчу. Тропинка к её дому, стоящему, как и положено колдуньям, за околицей села, не зарастала.

За два года, что я приезжала в Вереево на летние и зимние каникулы, мне ни разу не пришлось в голову проведать Феодору. В своё время своим зельем она помогла мне справиться с маньяком, за это я её поблагодарила. Изумрудного цвета смесь, пахнувшая молодыми веточками акации, оказалась чем-то наподобие энергетика. После приёма зелья одолевал сон, но потом тело на несколько часов наливалось си-

лой, убыстрялась реакция и ускорялась мозговая деятельность. Потом за это приходилось расплачиваться упадком сил и неодолимой сонливостью. Жаль: Феодора не желала поделиться составом препарата, он бы пригодился спецназовцам. Раз старухе захотелось сделать каплю добра потомкам Степана, то я это добро приняла, больше нам незачем встречаться. Почему теперь в моей голове зазвучал её призыв, не понимаю. Удивительнее другое, как она это сделала? Я ведь не приёмник, она не ретранслятор. Не собралась ли старая карга окочуриться? Я слышала: ведьма не может умереть, пока не передаст свой проклятый дар. Уж не надумала ли она наградить меня этим даром? Я потёрла виски пальцами. Не нужен мне этот дар. Не пойду к ней.

«Газель» въехала в открытые ворота турбазы, остановилась у столовой. Тотчас дверца авто с моей стороны распахнулась, Матвей подхватил меня на руки.

– Я уже сорок минут дома, а меня никто не встречает, – возмутился он.

От него пахло дымом костра и печёной картошкой. Я сморщила нос и притворно возмутилась:

– Фу! Душ не принял, а уже тискаешь незамужнюю девушку.

На самом деле я обожаю эти запахи, уткнувшись носом в распахнутый ворот его рубашки, с наслаждением вдохнула.

Матвей прижал меня к груди и прошептал:

– Разве это тиски, уже успела подзабыть

– Успела. Ничего не помню, ничего не знаю.

– Не провоцируй, – улыбнулся он.

Олег, глядя на нас, проворчал:

– Забирайте свои покупки, мне нужно разгрузиться на ко-
нюшне.

Матвей вытащил сумку с костюмами, взял пакет с продуктами. Я подхватила торт, и мы направились к своему дому.

***

Утро выдалось суматошным. Матвей, поздравив меня с днём рождения, вручил подарок и помчался провожать туристов, уезжающих домой, а затем отправился в Апшеронск встречать новую группу. Я достала из большого пакета две коробки. В одной лежало белое платье из тонкого воздушно-го шелка с атласной подкладкой. Я разложила платье на кровати: узкий лиф, широкая юбка-солнце, круглый вырез горловины. Платье напоминало наряд в стиле шестидесятых, в таком модницы танцевали на дискотеке твист. Во второй коробке находились танцевальные туфли из натуральной светло-кремовой кожи. На столе я заметила записку.

С днём рождения, милая. Ты ведь танцуешь после номеров своих учениц, в этот раз я прошу заменить цыганочку на мой любимый номер со стульями. Для этого я приготовил платье и туфли. Надеюсь, всё будет тебе в пору. Не откажи в просьбе: это очень важно для моего сюрприза.

Твой Матвей.

Что он задумал? Я села на кровати и погладила шелковую ткань ладонью. Номер со стульями был моим финальным выступлением на защите диплома. Под пронзительную мелодию из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь» я танцевала с двумя невидимыми партнерами, якобы сидящими неподалёку друг от друга на стульях. Я приглашала их одного за другим и никак не могла выбрать, с кем же остаться в итоге. Белое платье и вальс... романтично получается. Не иначе собрался делать мне предложение. Мы договорились, что поженимся сразу после окончания моей учёбы, но прошёл месяц, Матвей молчал, я решила: ждёт подходящего момента. Я не боялась, что он передумал на мне жениться, брак для него стал идеей фикс. За два года не проходило и месяца, чтобы он не упоминал об этом. Почему-то Матвей решил, что перестанет ревновать, если я буду принадлежать ему официально. Будто штамп в паспорте кого-то останавливал от расставания. Сначала я боролась с его необоснованной ревностью, приносящей боль и муку прежде всего ему. Уверяла: никто кроме него мне не нужен. Но чем больше я старалась, тем мрачнее он становился. В итоге я предоставила ему самому справляться с этой напастью. Мы редко ссорились, но именно его комплекс Отелло становился поводом для размолвок. Матвей терпеть не мог никого из мужчин, появляющихся рядом со мной, но особенно плохо переносил моего партнёра по танцам Дмитрия или Митьку, как я его

называла. Последний раз поругавшись, мы не разговаривали неделю. Я не стала оправдываться, не стала останавливать Матвея от немедленного возвращения на турбазу, предоставила ему возможность подумать. Понимала, если он не осознает, что всё дело в его недоверии ко мне, то дальше в жизни нам будет ещё труднее. Сходить с ума от ревности, осыпать меня упрёками, а на Митьку бросаться с кулаками лишь потому, что показалось, будто его девушку слишком интимно прижали во время танца – верх глупости. Я предполагала: у Матвея это скорее не ревность, а боязнь потери, и она родом из детства. Как-то скрупулёзно подсчитала, за два года отношений на расстоянии мы провели вместе сто семьдесят суток, за это время ни разу не случилось, чтобы он спал, не прикасаясь ко мне. Бессознательно он постоянно проверял, нахожусь ли я рядом с ним. Как-то встав ночью попить воды, я наблюдала смешную картину: спящий Матвей, будто зомби, шарил рукой по кровати. Если я задерживалась дольше, то он просыпался и отправлялся на поиски. Я не понимала, как вылечить его страх потери, надеялась, что со временем он пройдёт. Мне трудно осуждать его родителей, они современные люди, хотели реализовать себя в профессии, но не стоило им оставлять ребёнка в столь юном возрасте бабушке. Подсознательно Матвей решил, что его бросили. А когда я узнала, что его бабушка часто болела и лежала в больнице, поняла: с раннего детства он оставался дома в одиночестве. Представляю, как было страшно и сиротливо маленькому ре-

бёнку. Матвей не любил говорить о прошлом, а мне хотелось знать о любимом всё, поэтому я аккуратно и потихоньку выпытывала о школьных и студенческих годах у его друзей. Удивительно, но никто не догадывался о ранимости Матвея, все отзывались о нём как о спокойном, рациональном и довольно холодном человеке. Получалось, только я знала его настоящего. Я штудировала книги о психологии, выискивая, как залечить душевные раны, нанесённые ему в детстве, голова пухла от противоположных методик, но выяснила лишь одно: это довольно сложно. Оставалось надеяться, ему поможет моя любовь. Во время той недельной размолвки я не звонила ему, упорно выжидая, чем всё закончится, но сама находилась на грани нервного срыва от страха, что можем расстаться. Я плохо спала ночами и едва дожидала до субботы. А когда ранним утром отворилась дверь в мою комнату и зашёл Матвей, бросилась ему на шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.